

ЛУЧШИЙ РОМАН ОБ ОТНОШЕНИЯХ МУЖЧИНЫ И ЖЕНЩИНЫ

Татьяна Веденская

ДЕВУШКА БЕЗ ИМЕНИ

тираж
превысил
3 миллиона
экземпляров!

Книга Татьяны Веденской лучше сеансов психоанализа
возвращает к жизни.

О.Маховская. психолог, писатель

Позитивная проза

Татьяна Веденская
Девушка без имени

«Автор»

2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Веденская Т.

Девушка без имени / Т. Веденская — «Автор»,
2016 — (Позитивная проза)

Когда на пути Ивана Чемезова появляется очаровательная незнакомка в широкополой шляпе, он ни минуты не сомневается, что девушка в беде. Уставшая, голодная, без денег и документов, она оказалась совершенно одна в чужом городе. Завороженный ее красотой, Иван в нее влюбляется. Он пытается разгадать ее тайну. Но загадочная незнакомка, принимая приглашение жить в его доме, постоянно уходит от ответа. Друзья подозревают, что она воровка на доверии. Что же на самом деле скрывает девушка?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Веденская Т., 2016
© Автор, 2016

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	30
Глава 5	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Татьяна Веденская

Девушка без имени

© Саенко Т., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

*Все события, действующие лица, обстоятельства, места
действия являются вымышленными.*

Любые совпадения являются случайными и ненамеренными.

*I remember you said, «Sometimes it lasts in love, But sometimes it hurts
instead...»*

Adele. Someone Like You¹

¹ Я помню, как ты сказал: «Иногда любовь длится вечно, А иногда приносит только боль...»Адель. «Кто-то, такой же как ты».

Глава 1

Человек способен на все, что угодно. Мама часто говорит так, обсуждая очередные новости. Каждое утро она включает «ящик» еще до того, как заканчивает утренний моцион. Это словно обряд – всегда поданные на завтрак, прямо к тостам с джемом, новости, почти идентичные друг другу, отличаются только названиями мест, именами, закадровыми картинками. Но слезы остаются одинаковыми, сегодня – такие же, как и вчера, как и позавчера, кроме воскресенья. По воскресеньям мама ходит в церковь.

Ирина часто ворчит на маму. Девушке жаль времени, а еще больше – растрченных впустую маминых эмоций, сочувствия столь далеким людям и событиям, Ира не понимает эту ежедневную жажду новых подробностей летящей мимо нее жизни. Цунами на Гаити, забастовки в Италии, аналитический обзор проблем на фондовой бирже, новости культуры... Мама всеядна. Однажды дочь застала мать за просмотром съезда какого-то экономического форума в Шанхае.

– Ты прямо как наркоманка какая-то, – часто смеется она над матерью, выключая телевизор и ставя какую-нибудь пластинку, Второй концерт Паганини или старика Чайковского. Что-нибудь из маминого любимого, со скрипкой.

– Считаешь, будет лучше, если я просто сяду в четырех стенах и обложусь книгами? Так я хоть что-то узнаю о происходящем в мире, – фыркает обычно мама.

– Я хочу, чтобы ты пошла со мной гулять. А про мир... Я сама расскажу тебе все. Мир невозможно понять через твой «ящик», он куда сложнее, чем примитивные схемы, которыми тебя кормят. Нет людей злых и людей добрых.

– Ты так считаешь, Ириша? – Мамина бровь приподнималась, в то время как руки продолжали методично переносить красный кувшинчик от одного комнатного цветка к другому. – Нет злых людей? Совсем? А как же нацисты?

– И совсем добрых нет, мам. Люди меняются, жизнь меняет их. Люди способны на все. Ты сама говорила это столько раз.

– Но у каждого есть свои пределы, – возразила мама Иры. – Какие-то рамки, за которые человек откажется выходить, какими бы ни были обстоятельства. Даже если голод, даже если война.

– Все-таки ужасно, мама, что ты смотришь так много новостей. – Ирина улыбнулась примирительно. – Ты хоть помнишь, что за окном?

– А что за окном? – Мама невольно покосилась на улицу, едва просматривавшуюся за ее «клумбой» из роз, фикусов и бегоний.

– Лето, мам. Прекрасное и теплое. Никакой войны. Ты же женщина в самом расцвете лет, что ты сидишь дома?

– Ты говоришь так, словно я Карлсон. В самом расцвете лет! – пробурчала мама себе под нос.

– Устройте с подружками пикник!

– Между прочим, это все твой отец, он приучил меня, – в сотый раз оправдалась мама. – Он жить не мог без утренних новостей. У нас однажды телевизор сломался, так он буквально ворвался к Швидовским. – Мама ухмыльнулась, вспоминая тот день. – Эдик брился, а тут твой папа летит – с глазами навывкате. Как же, он не дослушал, как загнивает Норвегия. Эдик даже смыть пену не успел, твой отец бросился к нему, схватил за плечи и кричит: «Ты что, не смотришь?» И убежал к ним на кухню. Я потом полчаса извинялась, пирог испекла для Эдика. А его жене нельзя было, у нее сахар, но она все равно ела. Ела и не толстела.

– Тебе папы не хватает? – остановила ее Ирина. Мама вздохнула и провела пальцем по старой фотографии. Отец, высокий, подтянутый и серьезный, в своем темно-синем фраке, любимом... Кажется, там ему было чуть за сорок.

– Знаешь, деточка, когда ты смотришь утренние новости много лет подряд, привыкаешь. Без этого уже и кофе не тот. Иногда я забываюсь, и мне кажется, что твой отец, как всегда, сидит вон там, в кресле, и рассуждает о том, как спасти мир.

Мама рассмеялась и намазала джем на золотистый тост.

Этот разговор произошел всего неделю назад, но в мгновение ока все изменилось для Ирины, и мир вокруг стал вдруг враждебным и темным, скрывающим опасность, жестоким и глухим к ее слезам – совсем таким, как в маминых новостях. Она часто говорит, что люди способны на все, что угодно, но конечно, не имеет в виду при этом свою дочь. Обстоятельства меняют человека.

Бытие определяет сознание.

Ирине бы и в страшном сне не могло привидеться, что можно возненавидеть кого-то до такой степени, что захочется убить. Сделать что-то такое, чтобы человеку стало так же больно, как тебе.

До обморока, до дрожи в кончиках пальцев. Люди действительно способны на все.

– Так и есть, мама. Я способна на все! – прошептала Ирина, даже не заметив, что сжала кулаки и ногти впились в ладони. На них остались глубокие отметины, а от среднего пальца след был так глубок, что проступила капля крови. Ирина раскрыла ладонь и вздрогнула, словно перед ней была ладонь незнакомки.

Она огляделась вокруг, не понимая, как оказалась в этом месте, на ступеньках маленькой белой церкви – в этом времени, в этом пространстве, измерении, в этой вселенной. Солнечный день. Сколько прошло минут? Как давно она вышла из метро? Ирина так долго шла по неизвестным улицам вовсе не потому, что ей нужно было куда-то дойти, тем более что ходить на высоких каблуках было тяжело и неудобно. А потому, что если бы она остановилась, то, наверное, с нею случилась бы истерика.

Каково это – стоять посреди улицы среди бела дня и кричать, и бить кулаком по кирпичной стене, чувствуя свое полнейшее бессилие и животный ужас?! А что, если я не права, если ошиблась? Несправедливо подозреваю вовсе не того человека? Бедную, ни в чем не повинную пожилую женщину – только потому, что так показалось. Пусть я окажусь права, господи!

Как я сюда попала? Что это за церковь? Может быть, пойти туда... подняться по исхоженным ступеням... может быть, тогда Он поможет... Мама верит, что Он помогает, если попросить правильно. Но как это – правильно? И что делать с тем фактом, что я верю в него не больше, чем в Деда Мороза?

Хотя с другой стороны... Если бы Он хотел помочь, то давно бы вмешался. Он бы никогда не допустил...

– Простите, ради бога, у вас все в порядке? – Ирина не сразу заметила, что этот вопрос обращен к ней.

– Что? – Она вздрогнула и, нахмурившись, повернула голову на голос и приподняла свою шляпку.

Голос принадлежал растрепанному русоволосому мужчине лет тридцати с тлеющей сигаретой в руке. Он стоял внизу, у подножия лестницы. Наверное, просто проходил мимо и обратил внимание на... Что? Какое выражение лица должно было остановить человека, бегущего по своим делам?

– Вы... у вас кровь. – Мужчина озабоченно кивнул на руку, и Ирина с удивлением отметила, что ссадина кровоточит. Мужчина в три шага поднялся к Ирине и оказался на одном с ней уровне, на соседней ступеньке. В песочной льняной рубашке и темных вельветовых брюках, он смотрел на нее скорее с интересом, чем с беспокойством. Глаза у него были светло-

серыми, взгляд – внимательным, пытливым. Мужчина был небрит, но в целом выглядел ухоженным, благополучным. Словом, выглядел дорого. Что ему надо? Откуда взялся? Если просто хочет помочь незнакомке из человеколюбия, то это не тот случай. Никто не может помочь. Ирина подумала, что можно просто отвернуться и убежать, но странная штука – воспитание не позволило.

Разве вежливо грубить людям? Разве можно вот так взять и убежать?

– Это ерунда. – Ирина покачала головой и стерла тонкую струйку ладонью другой руки. У нее не было платка или салфетки. У нее вообще ничего не было, все осталось в метро, на полу под сиденьем, где Ирина задремала. Дура, дура. Не спала три ночи, вот и результат.

– Вы уверены, что с вами все в порядке? – спросил мужчина и поправил волосы. Длинная челка постоянно спадала на глаза. Парикмахерская по нему плачет, подумала девушка. Или это теперь так модно? Лен, щетина, в руках солнцезащитные очки и почти догоревшая сигарета. Она не сразу поняла, что этот человек от нее хочет.

– Да, я уверена, – кивнула Ирина так, словно надеялась, что он тут же исчезнет и оставит ее в покое. Но зачем-то потом добавила: – Простите за беспокойство.

– Никакого беспокойства. – Мужчина стоял и все никак не уходил. Не поверил ей? Ирине захотелось посмотреть на свое отражение в витрине какого-нибудь магазина, чтобы понять, что именно выдало ее смятение и ужас. Она просто стояла... Наверное, это бросается в глаза. Может быть, у нее что-то с лицом? Неужели она снова плачет? Или... тушь размазалась? Так ведь она не красилась уже несколько дней, не до того было. Ни до чего, сказать по правде...

– Просто ужасно интересно: о чем вы сейчас думаете? – Вопрос застал девушку врасплох. Ирина вздрогнула, не понимая, что она делает тут, на этих ступенях, с незнакомым мужчиной, задающим непонятные и уж точно неуместные вопросы.

– Ни о чем, – пробормотала девушка.

– Вы не хотите рассказывать незнакомому человеку? А зря, – заявил он. – Это же как попутчик в поезде, никаких последствий. Может быть, я даже смог бы вам помочь. Советом, к примеру. Что скажете?

Ирина сначала буквально растерялась. А затем почувствовала невероятное возмущение. Чего он к ней лезет?

– Вы любопытны.

– Есть грех. Каюсь, – улыбнулся мужчина. – А вы нет?

– Разве вы не можете... просто уйти? Пожалуйста! – выпалила Ирина, стараясь скрыть свое раздражение.

– Ничего себе! Вежливо, но как ушат воды на мою бедную головушку. – Незнакомец сощурился. – Действительно, зачем мне знать, что привело вас сюда и почему вы исцарапали свои руки до крови. Ого! Да вы сейчас во мне дырку прожжете! – ухмыльнулся мужчина, и на правой его щеке появилась ямочка. – У вас сейчас было такое странное выражение лица. Знаете, как говорят, «то ли водки выпить, то ли зарезать кого-то».

– Ну так бегите, а то вас и зарежу, – буркнула Ирина, словно загнанный в угол зверь. Она отчего-то боялась, что незнакомец прочитает ее мысли. Нужно избавиться от него как можно быстрее. Ей некогда разговаривать с незнакомцами, никто не сможет помочь ей. «Убежать и... и что тогда? Какой у тебя план, Иришка? В полицию опять пойдешь?»

Незнакомец, словно услышав ее мысли, покачал головой.

– Я не привык оставлять людей в беде, – тихо пожал он плечами.

Ирина вздрогнула.

– Кто вам сказал, что я в беде? – спросила девушка.

– А разве нет? Значит, я ошибся, – покачал головой мужчина. – Профессиональное любопытство подвело.

– Профессиональное? – нахмурилась Ира, невольно пытаясь угадать, что это за профессия такая. Может ли он ей навредить или помочь?

Господи, да у меня паранойя!

– Да, профессиональное. Я хорошо вижу эмоции. А у вас, барышня, в этот момент было очень необычное лицо, – бросил он невозмутимо. – Мне, кстати, оно понравилось.

«Значит, все-таки просто «кадрит». Ирина растерянно осмотрелась по сторонам, пытаясь придумать хоть какой-нибудь выход.

– Погодите, не убегайте. Вы похожи на раненую птицу с перебитым крылом. Я не хотел вас спугнуть.

– Мне пора, – бросила лишь в ответ Ирина.

– Не думаю, что вам, как вы сказали... пора? У вас такое лицо, по которому видно, что вы явно переживаете из-за чего-то. – Мужчина, похоже, говорил сам с собой. – Может быть, вас бросил муж или бойфренд. Вряд ли вы стали бы так переживать из-за работы. Вы прекрасны, но ваша красота иная, не такая, которая притягивает мужчин на улице. Достаточно одного взгляда, чтобы понять, что с вами будет непросто. Принцесса в изгнании. Я подошел, потому что мне показалось, что вы в беде.

– Да вы просто эксперт! – окончательно возмутилась Ирина.

– Профессия, как я уже сказал, обязывает.

– А вы кто? Криминалист? Чтец человеческих душ? Последователь Фрейда? – Девушка чувствовала, что злится все больше, хоть это и глупо. Ирине сейчас совсем не до знакомств с мужчинами, так что интерес к ней со стороны светловолосого самоуверенного типа в льняной рубаше ей вовсе не на руку. А этот наглец ко всему прочему еще и прав, делая вывод, что она принцесса. Только вот принцесса в изгнании. Так ее дразнил Саша, когда они бывали в чем-то не согласны, а такое случалось очень часто. Именно эта точность, это совпадение «слово в слово» и разозлили Ирину окончательно.

– Ну вот, полундра! Я вас обидел, а ведь не собирался. Иногда бываю слишком прямолинейным, – сказал незнакомец, и в его голосе почувствовалось сожаление.

– Никого вы не обидели, – покачала головой Ира.

– Да уж, не обидел. Ваши думы как на ладони, хоть читай, хоть на принтере распечатывай.

– Надеюсь, все же не так легко. Хорошо, что вы не ищете более близкого знакомства со мной.

– Этого я не сказал, – заявил мужчина, заставив Ирину снова сошуриться.

– Нет? – опешила девушка.

– Нет, не сказал. – Незнакомец снова улыбнулся, и на этот раз Ирина была вынуждена признать, что улыбка у него обезоруживающая, еще и эта ямочка на щеке. Но сейчас это было последним, что могло ее заинтересовать в этом мире. Наверное, он привык, что люди легко попадают под это странное, своеобразное обаяние русского медведя. Только не она. Только не сегодня.

– Почему вы не на работе? – спросила Ирина нарочито холодным тоном, но мужчину это совершенно не смутило.

– Я работаю только тогда, когда мне этого хочется.

– О, как удобно! А что об этом думает ваш работодатель?

– Он меня обожает, – бросил этот нахал с притворно невинным видом. Ирина не нашла что ответить, тогда мужчина продолжил: – А вот вы, кажется, вообще потерялись. Но знаете что, шляпа у вас замечательная! Очень вам идет, – заявил он самым бесцеремонным тоном.

Шляпа была мамина, и та настояла на том, чтобы Ирина ее надела. Слишком яркое солнце.

– Зачем мы стоим тут и говорим о моей красоте и о моей шляпе?

– Как я уже сказал, мне стало интересно, о чем вы думали. – И этот невозможный мужчина поднял вверх обе руки. Так он смотрелся еще выше и был еще больше похож на медведя. Русский медведь. – Вот, минуту назад. Мое любопытство, ничего больше.

Странный мужчина.

– Зачем вам знать мои мысли? – грустно пробормотала девушка и посмотрела на него из-под широкополой шляпки. Ее изумрудные глаза сверкнули, а одна бровь еле заметно приподнялась. – Вы уже все и так рассказали про моего мужа-бойфренда.

Русоволосый мужчина усмехнулся и покачал головой.

– Я предпочту терзаться в неведении, нежели обманываться и питаться собственными догадками.

– Вот как? – растерялась Ирина.

– Предпочитаю правду. И позвольте мне, наконец, представиться. Иван Чемезов. – Мужчина сделал паузу и внимательно всмотрелся в лицо незнакомки, словно ожидал от нее какой-то определенной реакции. Ирина склонила голову набок.

– Иван-дурак, – прошептала она.

– Вы говорите как моя жена, – пробормотал он, но девушка, кажется, даже не обратила на это внимания. Она была глубоко в своих мыслях, темных, смущающих ее и накладывающих тень на ее усталое лицо. – Впрочем, вы не так уж далеки от истины. Из всех сказочных героев этот дуралей подходит мне идеально. Ну а теперь, может быть, вы скажете мне ваше имя, барышня?

– Можете называть меня Аленушкой, – прошептала Ирина.

Иван молча смотрел на нее, словно не знал, что же с ней делать. Затем он вздохнул и облизнул верхнюю губу.

– Боюсь, я только-только прошел через огонь, воду и ругань с одной Аленушкой – моей бывшей женой, так что этот сказочный персонаж для меня скорее отрицательный.

– В таком случае мне стоит быть Василисой Премудрой и держаться от вас подальше, – пробормотала Ирина.

– Значит, Василиса? – кивнул Иван. – Что ж, в таком случае вы не побрезгуете ли пожать руку незнакомцу на паперти?

Ирина невольно улыбнулась тому, с какой легкостью держался этот Иван Чемезов. Если бы она встретила его на неделю раньше, Ирина бы сказала, что Иван – хороший человек. Но неделю назад она сама была другая. Никого не хотела убить. Даже если это желание захватило ее всего на несколько секунд – неважно. Она изменилась. Люди способны на что угодно, она это теперь точно знает.

Ирина протянула мужчине тонкую руку, а когда он пожимал ее, девушка заметила, что тонкая светлая линия от кольца на безымянном пальце уже совсем исчезла.

– Значит, Василиса. Очень приятно. – Иван сжал ее руку, но только на секунду, ровно на столько, чтобы Ирина не почувствовала дискомфорта. – А ваша шляпа просто какая-то удивительная. Какая жалость, что в наше время женщины почти перестали их носить. Такое чувство, что вы взяли ее в займы у какой-нибудь дамы с камелиями.

Беззаботный Иван с улыбкой на губах безо всякого уважения относился к чужим границам. Но почему-то он больше не вызывал у нее чувства неприязни. Скорее, в его обществе Ирине стало даже легче, спокойнее.

Что ни говори, а этот сказочный Иван показался ей человеком вполне интересным. Да, именно таким. Открытое лицо, своеобразная манера держаться, ямочка на щеке. И жесты рук – он прикасается к воздуху так, словно пытается ухватить что-то невидимое. Руки большие, ладони шершавые, а пальцы перемазаны чем-то синим. Русая челка почти закрывает глаза. Смешной какой-то.

Илья Муромец с дорогими часами на руке. Что за ерунда, откуда он взялся на ее голову, да еще в такой момент...

– Мне... надо идти. Правда! – пробормотала Ирина, растерянно оглядываясь по сторонам, определяя направление, в котором ей следует направиться. Любая сторона света, любая дорога. Вот только ей все равно некуда пойти, и ноги в этих чертовых туфлях просто отваливаются. И денег нет – они тоже остались в сумке. Взгляд остановился на дверях церкви.

– Туда? – удивился он, проследив за ее взглядом. – Но служба давно уже закончилась. Разве только вечерняя.

– А вам-то какая разница, куда мне надо идти? – произнесла Ирина раздраженно и устало. В конце концов, разве Иван сделал ей что-то плохое?

– Вы спешите куда-то? Только честно. Дело в том, что у меня есть к вам одно предложение...

– Предложение? Что еще за ерунда? – испугалась Ирина.

– Приличное предложение, – спохватился мужчина, испугавшись, что эта женщина в широкополой шляпе неправильно его поняла. Снова. – Поверьте, Василиса, витиеватые разговоры – не моя сильная черта. Нужно было сразу сказать вам.

– Сказать что? Вы режиссер и хотите снять меня в голливудском блокбастере? – спросила девушка с вызовом.

Иван молча улыбался и качал головой.

– Вы почти угадали.

– Пфф! – Ирина отвернулась и пожала плечами.

Иван невольно проследил взглядом за этим движением. Ирина была обладательницей редкой фигуры, не просто красива или худа, она была грациозна – качество куда более ценное в глазах Ивана. Изящная длинная шея, резкие движения, точеные плечи, длинные тонкие руки. Смотрел бы да смотрел. Банальные картинные красотки с глянцевых обложек и в подметки не годятся таким, как эта девушка.

Только бы получилось ее уговорить.

– Я вовсе не хотел задеть никакие ваши чувства, дорогая Василиса. Я всего-навсего бы хотел вас нарисовать. Честно.

– Вы хотели бы меня нарисовать? – ахнула Ира и снова обернулась к этому нахалу, в лице которого на этот раз она не обнаружила и тени улыбки. – В каком смысле?

– Да в прямом! – развел руками он. – Это так сильно вас удивляет?

– Вы что же, хотите сказать, что вы – художник? – удивленно переспросила девушка.

– Я понимаю, поверьте, как это звучит, но в моих словах нет никакого подвоха. Я художник и хочу вас нарисовать. В терракотовом платье, именно с этим выражением лица. В этой сумасшедшей летней шляпе.

Нарисовать? Ирина осмотрела мужчину с головы до ног, словно пытаясь найти какой-то подвох, изъяны или даже улики. Но он стоял и спокойно смотрел на нее, а на его губах играла улыбка. Это возмутило Иру еще больше. Какая дешевая игра. Художник!

– Разве художники не говорят – «написать» портрет? – спросила девушка насмешливо. – Как моряки, которые никогда не плавают по воде, а ходят.

– О господи, какая ерунда. Художники говорят как угодно и что угодно! – возмутился мужчина, и улыбка сползла с его лица. Он сощурился и облизнул пересохшие губы. – Так вы согласны?

Вот это поворот! Она вздрогнула, и снова тень сомнения пробежала по ее лицу. Ирина отвернулась и посмотрела вдаль, на дома, громоздившиеся друг за другом вдали, на машины, бегущие по серой ленте дороги. Что ей делать? Она устала, голодна, ей нужно отдохнуть и решить, что делать дальше.

Как найти в себе силы вновь жить.

Последние несколько суток напоминали ей какое-то сумасшествие, и этот разговор на ступенях церкви – достойная его часть. Может быть, она уже бредит от голода и бессонницы? Мама рассказывала, что такое бывает, если не есть и не спать очень-очень долго.

– Я не желаю, чтобы меня рисовали, – ответила девушка без долгих раздумий. Она быстро спустилась со ступеней и пошла вдоль по улице, словно позабыв о том, что секунду назад разговаривала с Иваном. Навсегда выкинув его из головы.

Откровенно признаться, это была совсем не та реакция, к которой привык Ваня Чемезов. Когда он предлагал написать чей-то портрет, люди обычно радовались. Многие специально гонялись за ним, желая быть изображенными на холсте рукой Чемезова. Особенно женщины. Особенно красивые.

Но не эта. Эта – не радовалась вовсе.

– Какая жалость. Я бы мог хорошо заплатить вам, – сказал Иван, последовав за девушкой, но сразу пожалел об этом. Его предложение прозвучало грубо, и это тут же отразилось на лице девушки в шляпе. Взгляд Ирины был испепеляющим.

– Нет. Не надо мне платить. – Лицо ее скривилось от отвращения. – Прощайте, художник Иван Чемезов. Успехов в творчестве!

Девушка быстро пошла прочь от него, приподнимая подол своего длинного терракотового платья, чтобы не зацепить его шпильками. Она шла, не оглядываясь, высоко держа голову. Конечно же, Ирина не поверила ни единому его слову.

Очень жаль, потому что все то, что было сказано ей, являлось чистой правдой.

Глава 2

Иван Чемезов действительно был художником, и притом довольно известным, или, как это было модно говорить, состоявшимся. Член Союза художников России, почетный член академического совета, участник множества выставок. Успех сопутствовал ему, и уже к тридцати пяти он стал популярен, заработал много денег и волен делать то, чего хочется.

Так что Иван вовсе не врал, когда говорил Ирине, что работает исключительно когда этого пожелает. Впрочем, работал он много. Почти всегда. Даже стоя у подножия этой церковной паперти и разглядывая в восхищении грациозную девушку в летней шляпе, он в каком-то смысле тоже работал. Прикидывал ее цвета, ауру, космическое воплощение ее «я» на бумаге – в карандаше, акварелью, темперой.

Рожденный в семье советского художника Федора Чемезова, Иван буквально вырос с кистями в руках, и опыт, время, желание и талант – все сошлось в одну точку. Прирожденный художник.

Правильное место, правильное время. Правильный Ванька Чемезов.

Все сложилось в его пользу, хотя он об этом не просил и не прилагал особых усилий для собственного продвижения или, как это опять же модно говорить, пиара. И при этом Ванька Чемезов – счастливчик, вечно растрепанный и с перемазанными краской пальцами, он никогда не знал тех сложностей, что стоят на пути у многих. Двери, закрытые перед всеми, открывались перед ним сами собой и без каких-либо усилий с его стороны. Достаточно было рисовать – остальное брала на себя фортуна и многочисленные родительские связи.

Собственно, достижениями своими Иван Чемезов никогда не гордился, а эпитет «тот самый» вызывал у него какую-то брезгливость и насмешку.

Он держался просто, хотя и не был простым человеком. С ним всегда было легко, хотя за этой легкостью стояла жажда большего, очередная мечта. Создавалась иллюзия простоты и понятности, но, по сути, его мало кто знал.

Но любили многие. Женщины, галеристы и искусствоведы. Его, обаятельного и задорного чертяку, любили все и всегда, даже дворовые собаки и соседские коты, и он привык к этому, но не кичился, что тоже было своего рода достижением. Свои успехи Иван воспринимал как нечто случайное, неконтролируемое и ничем не заслуженное. Он никогда не приписывал себе успех, в конце концов, что тут такого, если с самого детства Ванька Чемезов просто любил рисовать.

Эта простота характера, редкая самобытность, проявлявшаяся в манере вести себя, держаться и говорить, вся его суть и отражалась в его картинах: небрежные мазки, виртуозное владение мастихином – и готово. Легкомысленные особы оживали на его картинах, а сомнительного вида пропойцы в прокуренном кабаке смотрелись интересно на любой стенке. Иногда мелочи становились для Ваньки Чемезова артобъектами. В то время как настоящие артобъекты могли разочаровать Ваньку Чемезова. Он быстро загорался и так же быстро затухал.

Но Ваня был честен с собой и другими – редкое качество, – прямолинеен до грубости, был предан тем, кого любил, а любил он почти всех. Он, как и Ирина, думал, что не бывает людей совершенно плохих или совершенно хороших, и во всем был склонен оправдывать окружающих с тем расчетом, чтобы окружающие потом простили и ему все его промахи.

А промахов-то хватало.

Женщины, галеристы и коты – Чемезов всегда находил с ними общий язык. Галеристы любили успех, выраженный в цифрах. Котов Ванька Чемезов всегда подкармливал колбасой, закладывая надежный фундамент под храмом котовой любви.

Женщины же... Другое дело, непростой случай. Женщины хотели быть уникальными, они обожали становиться музами, вдохновлять и внушать восторг. Иногда – любовь. С этим еще сложнее.

Влюбленные женщины всегда хотели завладеть Ванькой Чемезовым.

Однако он не был приспособлен к такой любви. Не умел соответствовать. Забывал приходить вовремя на встречи, увлекался и оставался со студентами в мастерской на час или два. Курил в кухне. Мог философствовать (т. е. напиться) до утра в кабаке с каким-нибудь сумасбродным дружкой. Невоспитуемый.

Любовь часто приходила неожиданно, приносила с собой катастрофы, разоряла гнезда и превращала в пустыни цветущие сады.

Иван даже был женат на одной такой *Аленушке*. В итоге все кончилось заламыванием рук, потоком обвинений в его адрес, алиментами и тем самым болотом, в котором Иван до сих пор вяз по самую шею. Это отразилось на его творчестве как никогда благоприятно. В период развода Ваня Чемезов создал цикл акварелей под названием «Буря». Смазанные образы, злые лица в окружении городской реальности. Дождь стучит по крыше. Мокрые столики в московских кафе.

Раскупили как горячие пирожки.

Про его работы говорили – очень *интерьерные*.

Это означало, что, несмотря на все странности, нелепости, все номера, что он *отчуждал*, несмотря на все шутки, искажения, эксперименты и наплевательское отношение к тому, что и кто думает о его работах, картины Ивана Чемезова пользовались стабильным коммерческим спросом.

Удачливый черт. Больше всего на свете он любил странное, едва уловимое ощущение, когда ты чувствуешь себя целым, живым, даже больше, чем живым, – частью бесконечной звездной Вселенной, разноцветным галактическим скоплением, неясной, еще не определившейся формой, тонким очертанием. Отсекая все лишнее, кроме любви и ненависти... Целая гамма эмоций.

Сейчас же все его мысли занимала девушка в терракотовом платье, с широкополой шляпой. С лицом человека, вернувшегося с войны. Принцесса в изгнании.

Иван Чемезов стоял в нерешительности и смотрел вслед уходящей вдаль хрупкой фигуре девушки. Она быстро удалялась, грациозно придерживая свою шляпу обнаженной рукой. Ее платье оставило одну руку неприкрытой.

Диспропорция.

Что-то в ней было, в этой прекрасной незнакомке. Что-то особенное, необычное, больше, чем ее неброская миловидность, чем ее беспокойные изумрудные глаза, светлеющие в солнечных лучах, потрясающие каштановые волосы с отблеском меди, удивленный разлет тонких бровей чуть разной формы – не так часто удастся увидеть такие. В ней было что-то еще, что так сильно влекло Ивана.

Он действительно очень захотел нарисовать эту девушку и миллион еле уловимых, переменчивых выражений ее сложного, подвижного лица. Так сильно, что от невозможности исполнения этого желания мужчине становилось почти физически больно. Иван хотел узнать ее имя, ее прошлое и настоящее и то, о чем она думает, когда смотрит вдаль долгим невидящим взглядом.

Обида, вызванная отказом девушки, не давала покоя! А он тоже хорош, еще и денег ей предложил. Ведь видел же – не такая.

Иван побежал за ней, боясь, что может не успеть и тогда она исчезнет за ближайшим поворотом. Навсегда...

Некоторое время они так и шли, след в след по шумной, залитой солнцем улице. Затем поворот, еще один. Девушка обернулась к Ивану, стоя на перекрестке.

– Вы что, преследуете меня? – спросила Ирина, остановившись так резко, что Иван практически налетел на нее. Девушка нахмурилась, и тонкая линия пролегла между ее бровей. Иван отскочил, а потом зачем-то отряхнул несуществующую соринку с рукава.

– Боже упаси! Мне тоже нужно... в ту сторону, – И он неопределенно махнул рукой в направлении убегающей вниз улицы. Дурацкое объяснение, спору нет. Другого не успел придумать.

– В таком случае мне налево, – фыркнула «Василиса» и резко развернулась на своих шпильках. Одна из того миллиона загадок, которые Ивану никогда не дано было разгадать. Как можно ходить с такой грацией на таких высоченных каблуках? Некоторым удастся, другие же, хоть и хорошо смотрятся на каблуках, все же испытывают неудобство и боль. Прекрасно видно, что больше всего на свете они бы хотели сбросить шпильки и пойти дальше босиком.

«Василиса» относилась к тем редким женщинам, которые, словно инопланетянки, прилетевшие на солнечном луче с других планет, носятся на шпильках с такой легкостью, будто все еще плывут в невесомости.

Иллюзия.

Девушка свернула, и Иван послушно посеменил за ней налево, прилаживаясь к ее неравномерным шагам. Он вполне понимал, что сейчас, наверное, похож на маньяка, но продолжал идти, словно приклеенный, а она оборачивалась и с недовольством качала головой.

– Если вы не прекратите, я вызову полицию! – сказала Ирина в конце концов, остановившись снова на углу какой-то улицы. – И позвоню мужу.

– Не возражаю! – воскликнул Иван с непонятным энтузиазмом. Незнакомка удивленно уставилась на него и на секунду замешкалась с ответом. Тогда мужчина добавил: – Звоните мужу, прошу вас.

– Вы сумасшедший? – полюбопытствовала она.

– Кто-то считает, что художники – все сумасшедшие, если вы об этом. Но если брать наш конкретный случай, то я просто очень хочу нарисовать ваш портрет. Простите, если обидел вас, предложив денег. Когда лично мне предлагают деньги, чтобы я кого-то нарисовал, беру их, а не убегаю вдаль с выражением оскорбленной невинности. Но если это так важно для вас и вашего мужа, то готов рисовать бесплатно. И в его присутствии, конечно. Я буду совершенно счастлив принять вас обоих в моей мастерской. Да что там, приводите хоть всю семью.

– Вы спятили! – фыркнула девушка, снова передернув плечами с уже очаровавшим Ивана изыском. Нужно было отступать, и, понимая это, Чемезов почувствовал, что невольно начинает злиться, причем больше на самого себя. Уговаривать незнакомок – не самое его любимое дело, честное слово!

– Ну, что ж еще-то мне сказать, милая Василиса! Я уже вам все сказал. Что сделать мне, чтобы доказать чистоту своих помыслов? Ну, забейте в «Гугл» мое имя, посмотрите мои работы. Ну как еще доказать вам, что я не вру?! – Иван растерянно всплеснул руками и с каким-то отчаянием посмотрел в распахнутые зеленые глаза.

Иван не мог знать, что незнакомка была бы рада сделать то, что он просил, вот только ни телефона, ни документов, ни денег у нее нет. Все осталось в сумке, забытой в панике в поезде метро.

Потерять документы было, конечно, самым страшным. Без них вообще непонятно, что делать дальше.

Неделю назад Ирина была на грани отчаяния, а теперь уже за гранью. Она оказалась в совершенно безвыходной ситуации, и ей стоило больших усилий скрывать свои чувства от этого все подмечающего Ивана.

«То ли водки выпить, то ли зарезать кого-то». В точку попал, художник.

Если уж начистоту, Ира ничего не имела против него. Художник? Может, правда художник. Это многое бы объяснило. Чем она рискует, в конце-то концов? Хотя он и странный. В самом деле спятил и хочет нарисовать ее портрет. Или даже двадцать портретов. Вот только у нее своих проблем целый чемодан...

– Давайте так: вы возьмете мою визитку и подумаете над моим предложением еще некоторое время. Поверьте, я понимаю, как неожиданно и странно все это звучит. Моя мастерская неподалеку, в паре километров отсюда.

– В паре километров? – усмехнулась Ирина, но Иван и ухом не повел.

– Там интересно и совершенно не опасно. Я уже сказал: приходите с мужем, деверем, шурином и участковым. Мне все равно. Мастерская на первом этаже, и, если что, всегда можно выпрыгнуть в окно, – улыбнулся он, пытаясь шутить. – И я дам вам порисовать, если захотите. Завтра у нас, кстати, приедут студенты и будет мастер-класс. Хотите принять участие? Вы рисовали когда-нибудь?

Продолжая говорить, буквально забрасывая незнакомку словами, Иван осторожно вставил между ее длинных пальцев свою визитку. Ирина приняла ее, не глядя и даже, кажется, не осознавая этого. Иван же, напротив, отметил, что на безымянном пальце, простите, кольца-то нет. Никакого мужа или девушка не признает колец? Сейчас и такие встречаются.

– Я не рисую. Никогда не пробовала, – прошептала девушка и вдруг – совершенно неожиданный жест – приложила другую руку к глазам так, словно яркий солнечный свет причиняет ей боль. Только тут Иван с удивлением осознал, что его незнакомка очень устала. Да она буквально с ног валится. И расстроена она по-настоящему, всерьез.

– Вас кто-то обидел? Я могу чем-то помочь? Знаю, я чужой человек, но если вам нужна помощь, вы просто обязаны мне сказать! – С еще большим удивлением он отметил, как целый вихрь эмоций пробежал по лицу девушки и то, с каким отчаянием она попыталась взять себя в руки.

– У меня все в порядке. Я просто... должно быть, это мигрень. У меня разболелась голова, – пробормотала девушка.

– Как вас зовут? – спросил Иван, продолжая держать руку незнакомки. – Вы ведь так и не сказали.

– Я... я не хочу... – пробормотала она, а затем вскинула голову и посмотрела Ивану прямо в глаза. – Могу я пока остаться Василисой?

– А вы согласитесь мне позировать? – ответил мужчина вопросом на вопрос. Хотя, спору нет, не было ничего хорошего в том, что девушка не хочет называть свое имя.

– Я не модель.

– О, хвала Бабайке, вы – не модель. Вы даже не представляете, до какой степени все эти «модели» не подходят для художника. Актрисы с их отрепетированными выражениями лиц, благолепные красотки в туши и тенях. И эти, именующие себя светскими львицами в отсутствие названия для того, чем они занимаются.

– А чем они занимаются? – спросила девушка, чуть улыбнувшись одними только кончиками губ.

– В том-то и фокус, что ничем. И если рисовать их, то только на леопардовых шкурах и у каминов, и с томными выражениями лиц. Нет, это не для меня. Если честно, это очень трудно – найти что-то, что хочется запечатлеть на холсте.

– Но почему вам хочется рисовать меня? – Она склонила голову к плечу и внимательно посмотрела на мужчину напротив. Пронизывающий взгляд влажных темно-зеленых глаз – как крик о помощи.

– Я не знаю. Это невозможно объяснить словами, – добавил он, улыбаясь. – Наверное, все дело в шляпе.

– А если я ее сниму? – Девушка улыбнулась и порывистым взмахом сняла с головы свою шляпу. Когда она улыбнулась, ее глаза засияли, уголки глаз чуть приподнялись одновременно с линией ее губ. Слева чуть-чуть, на долю миллиметра выше, чем справа, но этого было достаточно, чтобы улыбка стала чуть насмешливой. Копна каштановых волос рассыпалась по плечам, и Чemezov ахнул от восторга. Невероятный цвет, редкая удача. Каштановые волосы отливали медью в ярком полуденном солнце.

– Боюсь, что нет, – покачал головой художник. – Дело не в шляпе. Дело в вас. Так что скажете? Вы же не можете обречь меня на страдания, верно? Я вижу это по вашему лицу. Вы – добрый человек. Не возражайте. Если вы развернетесь и уйдете, я буду страдать. Это точно, и вы будете жить, зная это. Будете повинны в моих мучениях.

– Не могу поверить, что вам почти удалось меня уговорить, – рассмеялась она. – Я... я подумаю.

– Скажите мне, как вас зовут. Дайте мне номер своего телефона. Я не могу отпустить вас просто так. Где вы живете? В этом районе? – Иван ковал железо, пока оно стояло и рассеянно улыбалось. Но вот снова в глазах ее он заметил беспокойство, какое-то напряжение.

– Нет, не в этом... районе, – покачала головой Ирина.

– Хотите, я подброшу вас? У меня есть машина, только она у мастерской. Это совсем недалеко. Впрочем, я, кажется, уже говорил вам об этом. Ответьте мне хоть что-нибудь!

– Если вы настаиваете... – протянула она, неуверенно озираясь по сторонам.

– О, я очень настаиваю, я просто как сумасшедший настаиваю! – Обаятельное лицо Ивана снова стало озорным. – Я умоляю вас, моя прекрасная незнакомка, утолить мой творческий голод. Ничего больше. Я совершенно безопасен.

– Тогда... если только это вам подойдет... – Ее взгляд заметался, как в ловушке. Птица в клетке.

– Что должно мне подойти?

– Вы можете порисовать меня... но только прямо сейчас. – Слова явно давались девушке с трудом, но их смысл был еще более неожиданным.

– Прямо сейчас? – вытаращился Иван.

– Вы что же, против? Тогда я не знаю. У меня может не найтись другого времени, – пробормотала Ирина, отвернувшись, и, кажется, собралась продолжить путь. Иван тут же замахал руками.

– Сейчас. Только сейчас – и никаких сомнений! Будем ковать железо, пока горячо! – выкрикнул он и подал своей незнакомке руку. Она чуть помедлила, но потом просто сделала шаг вперед, готовая следовать за ним. Странная, очень странная девушка. То она убегает от него со всех шпилек, то предлагает идти к нему в мастерскую? Что-то не так с этой особой все-таки. И она так и не сказала, как ее зовут.

«Портрет незнакомки в терракотовом платье».

Иван видел картину четко, так, словно она уже была написана. Наброски, разные затеи, несочетаемые сочетания. Вот только ему совсем не хотелось, чтобы она зашла к нему в мастерскую, а потом навсегда исчезла. Иррациональное желание удержать ее, узнать ее поближе, разгадать – он и сам до конца не понимал.

Просто интересная девушка с беспокойным взглядом темно-зеленых глаз. Она – вдохновение.

– Прекрасно. Позвольте показать вам дорогу. Я умею рассказывать анекдоты, если хотите, чтобы я развлекал вас по дороге, но они по большей части глупые...

– Я не возражаю, – рассмеялась девушка.

– Правда? Вот, я говорил, что вы – просто находка! – паясничал Чemezov, скользя по узким, заставленным автомобилями тротуарам. – А еще я ужасно пою себе под нос, так что будьте готовы. Я много чего умею делать просто ужасно.

– Но хоть рисуете-то вы нормально?

– Позволю вам самой сделать выводы. В мастерской скапливается все, что не приходится по вкусу галеристам. Эти прощелыги норовят забрать только то, что можно продать подороже, так что я вас уверяю: материала для анализа там будет предостаточно. Работы, правда, без цветков и романтики, так что могут не понравиться особенно чувствительным натурам в широкополох шляпах.

– Не такая уж моя натура чувствительная, – пробормотала девушка, и снова тень пробежала по ее лицу.

– Вам виднее. – Иван чуть ли не летел вперед со своей терракотовой незнакомкой, боясь спугнуть удачу. Везучий, что сказать.

Ирина, изящно переступая длинными ногами, цокает шпильками по недавно уложенной брусчатке. Не так давно всю Москву Златоглавую укатали этой брусчаткой. Безусые подростки рыдают и убирают ролики в дальний шкаф, да и на тонких шпильках по брусчатке идти нелегко. А девушка, словно лебедь, – плывет.

Лишь бы не передумала, мысленно умолял всевышнего Иван.

– Почему, интересно, мне видней? – спросила девушка. – Со стороны человека лучше видно. Вот вы, к примеру, несерьезны, как небезызвестная всем стрекоза, и это очень хорошо видно.

– Ничего себе! Хорошо, что еще лето! – рассмеялся Чемезов.

– Удивительно, но я вполне допускаю, что вы талантливы, – добавила Ирина.

– Вы мне льстите, моя Василиса Прекрасная... – Иван замолчал, в последний раз надеясь выбить из незнакомки хоть что-то.

– Вроде бы мы решили, что я – Премудрая? – хитро улыбнулась она. Затем она вздохнула и снова приподняла свою шляпку тонкой рукой. – Перестаньте сверлить меня этим взглядом.

– Каким взглядом? – притворно удивился Иван.

– Ладно. Хорошо, я сдаюсь! – Она остановилась. – Меня зовут Ирина. Вы, кажется, это пытаетесь у меня выпросить.

– Уже в десятый раз, – довольно кивнул Иван. – Ирина. Даже не знаю, верить ли вам. Вас правда зовут так?

– Думаете, я обманываю? – устало улыбнулась незнакомка. – Что ж, это не исключено. Но какая вам разница?

– «Что в имени тебе моем?» – пробормотал Иван, и девушка остановилась, посмотрела на него задумчивым взглядом. Растрепанный сероглазый блондин, цитирующий Пушкина и мечтающий написать ее портрет, – все это напоминало кадры из старого черно-белого фильма. Что угодно, но не реальную жизнь.

– Вы рисуете людей только после предъявления паспорта? Если так – его у меня нет. – Она пожала плечами и снова пошла вперед, хотя и понятия не имела, в правильном ли направлении идет.

И снова Иван Чемезов почувствовал эту необъяснимую странность, нелогичность во всем поведении девушки. Иван попытался всмотреться в ее лицо в поисках ответов на невысказанные вопросы.

О чем вы думаете, Ирина?

Этот вопрос будет мучить его очень, очень долго. Чужая голова – потемки. А уж эта копна каштановых волос, отдающая медью на солнечном свете, – тайна за семью печатями, и открывать их она не собиралась никому. Пока они шли к мастерской, Иван заметил, что Ирина, должно быть, очень устала, что идет она с трудом и что у нее при себе нет ни сумочки, ни телефона. По сути, ничего, кроме широкополой летней шляпки.

Уже потом, около мастерской, наблюдая за тем, как Ирина осторожно входит в арку старого особняка, Иван вдруг разгадал одну загадку, а именно – отчего же эта незнакомка все же согласилась пойти с ним. Догадка показалась Ивану абсурдной, но с каждым взглядом на Ирину он все больше убеждался в своей правоте.

В том, что ей, Ирине, просто некуда больше идти.

Глава 3

Мастерская Ивана Чемезова располагалась в тихом московском уголке, в районе Хитровки, что делало ее любимым местом «забредания» для многочисленных друзей, коллег, приятелей, сочувствующих, скучающих старых и молодых знакомых, а то и вовсе незнакомых людей. Ивану она досталась еще в наследство от отца, тому мастерская была выделена еще при Советском Союзе и занимала почти весь первый этаж целого подъезда. Иван просто обожал свою просторную мастерскую, предпочитал ее квартире на проспекте Вернадского, оставшейся при разводе жене и детям, а также загородному дому, формально принадлежавшему Ивану, на деле же используемому теми же женой и детьми для отдыха от городского шума и суеты.

Иван любил деревню, но любил он ее другую, подальше да позаброшеннее, с ледяной колодезной водицей, невысокими заборами-лыжами вокруг приземистых домов да множеством бесцеремонных котов, вылизывающих пуза на теплых завалинках. Охрана по периметру поселка и аккуратные асфальтовые дорожки, симметрично засаженные по бокам туями, навевали на Ивана грусть-тоску.

Так что, не считая его поездок на Алтай и в Карелию, большую часть времени после развода Иван Чемезов проводил в мастерской на Хитровке. Мастерская была, что и говорить, мечта художника. Высокие, больше трех метров, потолки, типичная особенность старинных домов. Хорошая площадь, большие окна на три стороны. Но по-настоящему огромные окна были в самой его мастерской – на юго-восток, так что естественного света более чем хватало. А что еще нужно скромному мастеру?

– Прошу вас, проходите. Ирина, только ступайте осторожно, моя безмозглая рать тут понабросала бог весть чего, главное – не вляпаться, – бормотал Иван, раскрывая перед девушкой двери.

– Тут так тихо, – удивилась Ирина.

– Да, вы правы, барышня, для Москвы это – неслыханная роскошь. Вы выпьете чаю или кофе? Чего-нибудь покрепче я даже не предлагаю, во-первых, боюсь быть неправильно понятым, а во-вторых, кажется, мои архаровцы все приличные напитки повыпили до нас.

– И что вы подразумеваете под приличными? – устало улыбнулась девушка, оглядывая просторное помещение, сильно захламленное всякими коробками, старой мебелью, нераскрашенными вазами и недолепленными скульптурами. Да, уборка не считалась тут обязательной, это уж точно.

– Ну, не знаю. Медовуху? – хмыкнул Иван, раскрывая окна небольшой кухни. В воздухе стоял специфический запах не выветрившегося растворителя и масляных красок. Ирина огляделась по сторонам, подмечая мелкие детали.

Художник, действительно художник.

И, по всей видимости, неплохой. Во всяком случае, не бедный. А еще говорят, что настоящий художник должен быть голодным. Иван вряд ли голодает. Ирина подавила непрошенные мысли и принялась разглядывать картины, стоящие тут и там, прислоненные к стенам, собранные стопками, заброшенные на шкафы. Прошла мимо нескольких полотен с природой, задержалась на секунду напротив висящего на стене портрета двух пожилых мужчин, увлеченных беседой. Улыбнулась.

Как живые, надо же!

Ирина сделала еще пару шагов и остановилась перед несколькими работами, выставленными в ряд на полу в коридоре. Они были небольшие по сравнению с другими картинами, прислоненными к стене. Иван не мешал ей, наблюдая за ее реакцией. Обычно ему было безразлично, что люди думают о его творчестве.

Большая часть людей думала то, что им велели думать. Они опирались на газетные статьи, на дорогие каталоги, отпечатанные на плотной глянцевой бумаге. Они были или полностью согласны, или категорически не согласны, но их мнение появлялось на свет раньше, чем сами работы. Им можно было ничего не показывать, кроме прайс-листа.

Другие, искушенные и осведомленные, козыряли знаниями и количеством виз, проставленных в их загранпаспортах. Они много видели, много знали и всегда были готовы раздавать советы. Такие вызывали у Вани Чемезова смех.

Если бы Иван выставил свои работы на вернисаже – где-нибудь на Арбате или около ЦДХ, – то там он вообще вряд ли получил бы признание. Туда люди стекались за шиш-кинскими пейзажами, растиражированными акварельками с растушеванной псевдопарижской жизнью и городскими ландшафтами.

Да, интересоваться мнением было себе дороже. Угодать кому-то Иван и вовсе не любил. Но Ирина – другое дело, и он ловил улыбку или хотя бы ее тень на губах девушки, и теплая волна удовольствия разливалась по его телу.

Понравилось. Да, кажется, понравилось.

– Ну, что скажете? – спросил Иван, заметив взгляд Ирины на серию работ у стены. – Вам нравится?

– Я люблю модернистов, – ответила она. – Чьи это картины?

– А почему вы не думаете, что это мои картины? – удивился Иван. Зоркая, внимательная.

– Не знаю, – пожала плечами Ирина. – Мне показалось, что рука разная. Вот эта работа – совсем сырая. Какая-то неудачная копия на стиль Руссо. Впрочем, я не разбираюсь в этом. Так это ваши работы?

– Нет, – задумчиво протянул Иван. – Это работы моих студентов. Как раз на тему пост-импрессионизма.

– Гхм. – Ирина отвернулась и посмотрела на другую работу, небольшой эскиз, валявшийся на комодке среди старых газет, пепельниц, пустых банок из-под кока-колы. На эскизе был изображен грузный мужчина в костюме, пытающийся улететь вдаль с помощью крыльев из желтого кирпича.

– Это – ваше? – хмыкнула Ирина. – Кто он?

– Так, один знакомый из Министерства культуры, – кивнул Иван, невольно улыбаясь. – У вас острый взгляд. Пойдемте, Ирина, чайник закипел.

Девушка безмолвно и безучастно наблюдала за тем, как Иван счищает с большого круглого стола всякий мусор, как ставит разномастные чашки, ищет чистые ложки и тарелку, чтобы положить выдавшие виды пряники. Он явно чувствовал себя не в своей тарелке, испытывая неловкость из-за беспорядка и немытой посуды.

Откуда он бы мог знать, что его неудавшийся поход за сигаретами принесет такие плоды? А то, что ему неудобно, – еще один сюрприз для него самого. Эта девушка, Ирина, она и в самом деле как принцесса. Ступает мягко, грациозно, как и положено принцессам. А вот кормить их черствыми пряниками не положено.

– Вы пьете зеленый или черный чай? – спросил Иван, вынимая из шкафчика заварку. Ирина обычно пила только травяные чаи, любила ромашку и чабрец или апельсиновый чай с корицей. Не стоило сейчас вспоминать об этом. Сейчас она была близка к тому, чтобы жадно наброситься на воду из-под крана. И закусывать пряниками.

– Любой, пожалуйста, – ответила она, стараясь отвести взгляд от пряников. Голод свел желудок, и девушка почувствовала, как в животе заурчало. Быстрый взгляд на Ивана – увидел, заметил? Как неудобно. Дурацкая ситуация.

– Присаживайтесь, Ирина. – Иван галантно отодвинул стул и помог ей занять место. Стол был рассчитан человек на десять, не меньше. При желании можно было бы впихнуть и двадцать, наверное. Резные ножки выдавали ручную работу. Наверное, это чудесно – жить в таком

мире, где все, что ты делаешь, нацелено на красоту. Будет ли удобно взять пряник? Нужно подождать, пока он сам первым возьмет один. Да, так будет лучше.

– А какого рода портрет вы хотите написать с меня? – спросила Ирина, непроизвольно сглатывая слюну. В голове появилась новая, неприятная мысль. Что, если он вообще не возьмет пряник? И они так и будут сидеть, пить чай. Какой ужас... Говорят, человек может свободно прожить без пищи хоть месяц, а она не может отвести взгляд от пряников.

– Этого я и сам еще не знаю, моя драгоценная муза в шляпе. Посмотрим, бумага подскажет. Сахар? – он протянул ей хрустальную сахарницу, помутневшую от налипшего с внутренней стороны сахара. Вдруг взгляд его стал внимательным, он буквально сверлил девушку взглядом, он был полон подозрений. Иван прищурился и почему-то покачал головой.

– С вами все в порядке? – неожиданно спросил он и наклонился ближе, облокотившись на стол. Затем взял пряник, но не стал его есть, а протянул Ирине.

– А вы? – спросила она, и тогда Иван, продолжая смотреть на Ирину, подхватил еще один и откусил. Девушка взяла пряник из его руки, но так и не решилась съесть. Желудок утих, зато захотелось убежать на край света. Чего он пялится?

– Да-да, – кивнула Ирина. – Все в порядке.

– Пейте ваш чай, – скомандовал Иван.

– Вы грубиян, знаете об этом?

– Поверьте, да, – кивнул Иван, продолжая следить за Ириной обеспокоенным взглядом. Затем он вдруг резко поднялся и отставил стакан. – Знаете что, вы пока тут располагайтесь, можете сбросить ваши ходули и дать ногам отдохнуть, а я пойду схожу тут недалеко.

– Куда вы пойдете? Вы что, оставите меня здесь, одну? – поразилась Ирина. – Тогда я тоже пойду!

– Нет-нет, – помрачнел Иван. – Вы же обещали мне остаться. Я еще пока не решил, как и что я буду делать, и мне нужно... – Снова повисла пауза, Иван задумчиво смотрел в окно, покусывая губы. – Мне нужно все подготовить. Рисование, знаете ли, не терпит суеты. А у меня... – Он помедлил и посмотрел на Ирину каким-то почти рентгеновским взглядом.

О чем вы думаете, Ирина?

– У меня закончились сигареты, – продолжил он после чересчур долгой паузы. – И огниво. Знаете, я совсем забыл об этом. А ведь я за ними и вышел. Пошел прогуляться и купить сигарет. А встретил вас. И забыл обо всем. Так что... вы отдыхайте, пейте чай с пряниками и ждите меня. Можете пройтись... тут. Поглядеть, что и как. Мои работы в большой мастерской. Это если прямо по коридору.

– Хорошо, – неуверенно протянула Ирина. – Огниво?

– Зажигалку. Вы вот не курите, а значит, вам меня не понять, – пробормотал Иван, похлопывая себя по карманам. – Я буквально – одна нога здесь, другая там. Если захотите, в зале есть телевизор.

– Я не любительница. Моя мама обожает новости, а я терпеть их не могу.

– Тогда найдите что-нибудь еще. Можете полопать пузырьки.

– Что? – рассмеялась Ирина, а Чемезов кивнул на валяющийся на полу полиэтилен со вздутыми, наполненными воздухом пузырьками. Упаковочная пленка.

– Все, я пошел. Вернусь через десять минут, не больше. Крайний срок – пятнадцать. Вы еще чай не допьете.

– Идите уже! – воскликнула Ирина, улыбаясь. – А то у вас наблюдается явный недостаток никотина. Несете какую-то чушь.

– Чушь – это да, это я умею. Ее нести, знаете ли, не каждому дано! – продолжал бормотать Иван Чемезов, выходя из квартиры. Но стоило только ему закрыть за собой дверь, выражение лица его изменилось, он стал серьезным и быстрыми шагами направился к выходу из двора.

Только бы она не ушла. Только бы не испугалась, не спугнуть бы.

Иван пошел, нет, побежал вниз по улице. Черт подери этот тихий московский центр, полно ресторанов, а до толкового продуктового магазина надо бежать через три квартала. Да еще небось и очередь. Тесная лавка была полна посетителей, и это чуть ли не взбесило Ивана. Ну почему именно сейчас, именно сегодня, когда он так спешит!

Бананы, сок, яблоки. Что еще? Что-то, чего не нужно готовить, что-то простое и быстрое. Колбаса! Хлеб, конечно же, хлеб. Вот ведь дубина, чуть не забыл. Возьми творог, пирожные.

Иван совал в корзину все, что попадалось ему под руку, поминутно поглядывая на часы. Стоя на кассе, он в нетерпении стучал пальцами по ленте. Даже то время, что потребовалось приемному устройству кредитных карт, чтобы соединиться с банком, показалось Ивану необычно, недопустимо долгим.

– Нельзя ли побыстрее? – воскликнул он, раздраженно глядя на кассиршу.

– Интернет такой, – буркнула та не глядя, и чек наконец пополз вверх. Десять минут заняла обратная дорога. С сумками было сложно открыть дверь в подъезд, и сливы рассыпались по асфальту. Конечно, известная всем криворукость Чемезова, его бывшая жена могла бы о ней саги писать.

Как могло получиться, чтобы эта девушка оказалась одна на улице, без сумки или телефона, смертельно усталая и голодная?

В том, что Ирина была голодна, Иван теперь не сомневался. Только совершенно оголодавший человек может смотреть на жалкие старые пряники *такими глазами*. Вот только есть не стала – постеснялась. Принцесса. Нужно будет написать ее так. На горошине.

Уже заходя в подъезд, Чемезов понял, что сигарет он так и не купил. Вот черт! Два раза сходить – ни одного раза успешно. По-чемезовски, ничего не скажешь. А что, если она спросит? Ладно, курить – здоровью вредить.

– Я думала, вы решили не возвращаться, – услышал он ее голос из глубины коридора. – Уже собиралась прыгать в окно, как вы и предлагали.

– И наверняка убедились, что это совершенно возможно и исполнимо даже на таких шпильках, как ваши. Кстати, я считаю, что такими шпильками можно свободно пытаться людей. Как вы с них не падаете? Я бы на них и трех метров не прошел.

– Вы бы на них смотрелись просто неописуемо.

– Может быть, мне нарисовать такой автопортрет? – спросил он, смеясь. Иван заметил беспокойство в глазах Ирины, когда та увидела пакеты в его руках. – На шпильках. Будет оригинально, не считаете?

– Кажется, вы уже опоздали. Есть целая танцевальная группа. Мужчины на шпильках.

– Брр! Хорошо, что я не танцую. Ну, а вы чего стоите? Давайте, помогайте мне. У меня, между прочим, ручка у пакета порвалась.

Продолжая ворчать, Иван протянул ей пакеты с таким видом, словно не мог даже допустить мысли о возможных возражениях. Ирина подхватила тяжелые пакеты и невольно ахнула. Впрочем, так было лучше. Его грубость сняла напряжение, возникшее от самого факта, что вместо сигарет Иван приволок кучу еды. Почему он это сделал – Ирина постаралась даже не думать.

– Вы что, скупили всю табачную лавку? Вы курите бананы? – спросила девушка ехидно.

– Разговорчики! Место женщины – на кухне, – задорно ответил он. – Вот туда и идите.

– Между прочим, господа все в Париже, а у нас в Советском Союзе слуг не было, – фыркнула Ирина, разворачиваясь к кухне. Только когда ее высокая стройная фигура скрылась за кухонной дверью, Иван выдохнул и приложил вспотевшую руку ко лбу. Принцесса на горошине, ей-богу. Постучалась в замок в дождливую ночь. Темно-синий, масло, мастихин.

Иван как мог сохранял невозмутимость. Он притащил из коридора пепельницу в виде раскрытых легких – черный юмор от его бывшей жены, намек на то, что он уж слишком много курит. А сама-то, между прочим, тоже хороша – дымит как паровоз. Бизнесвумен.

– Вы не против? – спросил он Ирину, закуривая последнюю оставшуюся сигарету. Ирина замотала головой. Иван курил, а девушка с заправским видом нарезала колбасу очень тонкими кусочками – только женщины умеют резать колбасу так, чтобы она просвечивала. Она выложила из коробок продукты, а Иван, неуклюже затягиваясь сигаретой в левой руке, правой налил воду для пельменей.

– Вы как пельмени любите, со сметаной или с кетчупом? – спросил он. – А, Ира? Можно, я буду звать вас Ирой?

– Как вам удобно, – прошелестела она.

– Это правда ваше имя? Ну, признайтесь?

– Нет, я его придумала. На самом деле меня зовут Афродитой, – фыркнула она. – Может быть, вы все-таки спуститесь с небес на землю и поможете мне? Бросьте вы эту сигарету.

– Я не завтракал, а вы? – спросил Иван невозмутимо. – Так сметана или кетчуп?

– Сметана, – пробормотала она. – Давайте я хлеб порежу, вы же его убиваете. Такие куски можно отдельно продавать, как целые.

Она протянула руки к хлебу, забрала у Ивана нож и принялась нарезать батон на аккуратные кусочки, как раз под стать колбасе. Иван кивнул и занялся пельменями. Через десять минут они сидели за красиво накрытым столом, что тоже следовало записать на счет Ирины. Быстро и как-то незаметно она убрала со стола лишнее и расставила все по-другому, как-то поженски, подложила под одну тарелку другую, побольше, и свернула салфетки в трубочки-треугольнички.

Золушка? Огненно-рыжий и глубокий коричневый, темпера, беличьи кисти. Иван терялся в догадках.

Она ела спокойно, медленно и аккуратно, продолжая поддерживать светский разговор, или, скорее, светское пикирование. Она высказалась относительно того, как быстро можно заработать инфаркт от такой диеты, Иван ответил, что после того, что с его сердцем сотворила бывшая жена, никакой инфаркт ему уже не страшен. Ирина улыбнулась и заметила, что обычно это мужчины разбивают сердца своим женщинам. Иван позволил себе не согласиться, и они принялись жарко спорить о том, кто более повинен во всех смертных грехах. Каждый отстаивал невинность своего пола, но победил Иван, приведя убедительный аргумент про Еву и ее «подлянку» с яблоком. Ирина расхохоталась.

– Туше! Вы хоть представляете, насколько это банальный аргумент? И чудовищно шовинистический.

– А кто сказал, что я не шовинист? Да разве вы, барышня, феминистка? У меня в доме феминистки самовоспламеняются и улетают в трубу.

– Вы мне еще про ребро Адама расскажите, из которого я сделана, – усмехнулась Ирина, собирая тарелки.

– Бросьте, я потом помою, – ухватился за свою тарелку Иван. – Сейчас нам надо идти работать.

– Ну и какой вы после этого шовинист? – Ирина посмотрела на него с укоризной и вытянула тарелку. – Дайте я хоть уберу со стола.

Ни единым жестом Ирина не выдала себя. Сама непринужденность во плоти, и все же для Ивана это было очевидно. Девушка была чудовищно голодна и ужасно этого стеснялась. Оставалось только надеяться на то, что Ивану удался его маленький трюк и безапелляционный приказной тон скрыл остальное.

Теперь можно и поиграть с цветами.

Иван встал, подцепил две большие кружки с совсем уже остывшим чаем и проводил Ирину в рабочую студию. На этот раз она не сопротивлялась и не нервничала. Со спокойным интересом она разглядывала то место, где проходила большая часть жизни Вани Чемезова. Место, к которому его бывшая жена ревновала даже больше, чем к студенткам, женам его клиентов, поклонницам его творчества и его ямочки на щеке.

Весь большой зал был увешан и заставлен картинами – тут все они были сотворены только его рукой. Законченные и не совсем, пустые холсты и такие, где одна картина писалась поверх другой. Ирина ходила между мольбертами, стульями, столиками, на которых лежали умеренно отчищенные палитры, она с интересом рассматривала каждую работу, склонялась ближе, подносила работы к глазам. Это не было простым интересом, выражением элементарной вежливости. Каждый раз, когда Ирина смотрела на картину, ей было интересно понять, как рождался тот или иной замысел, о чем думал человек в тот момент, когда писал ее, и что он хотел этим сказать. Иногда это было очевидно, и за пасторальными пейзажами, за привычными лесами, полями, раздольями нашими бескрайними или за подражаниями старинным мастерам, где с фотографической точностью воссоздавали уже исчезнувшие города, лица, одеяния, – за всем этим, как правило, было отчетливо видно желание угодить клиенту, и к таким работам всегда можно было приписать цену. Ничего такого в мастерской Ивана Чемезова не было.

Впрочем, цену можно поставить на любой картине, и Ирина это хорошо понимала. Вот только Чемезов писал как ему вздумается и что захочется.

– Добро пожаловать на мое поле брани! – гостеприимно раскрыл объятия Чемезов. – Здесь я каждый раз борюсь с собственной ленью, косностью мышления и поиском легких путей. И каждый раз они побеждают меня, так или иначе.

– То, что вы полны самокритичности, либо делает вам честь, либо...

– Либо? – потребовал продолжения Иван.

– Воображаю, что лень – ваш самый грозный враг, – ушла от вопроса Ирина.

– Лень очень часто берет меня в осаду, признаюсь вам сразу. Особенно в теплый летний день.

– Но вы же не сложите оружия? – хмыкнула Ирина, остановившись в задумчивости около одной из работ.

– Нет, конечно. Что вы там зависли, мадемуазель? – спросил Иван взволнованно. – Что вы там увидели?

– Зима, надо же! – улыбнулась Ирина, и Ивану снова стало тепло и легко на душе. Девушка почти десять минут провела около его «Завалинки», рассматривая ее так, словно пыталась попасть внутрь картины. Большая работа, на которую уже был покупатель, – Иван любил эту картину, она была как глоток свежего морозного воздуха.

Он написал ее полгода назад, когда уехал на Алтай. Он провел там целую зиму: таскал воду в ведрах, топил баню, пил водку с местными мужиками. Привык подолгу не бриться. Рисовал, много рисовал. Дышал полной грудью, впервые за много лет. Эта работа была его самой любимой. Ее купили сразу, с первой же выставки, но не забирали, таковы были условия договора. Картина должна была еще поучаствовать в сентябре на выставке в Санкт-Петербурге, оттуда уехать в Стокгольм и только потом – к новому собственнику.

Там, в деревне, на картине, дети катались на санях по белоснежному снегу, летели на них по горе прямо вверх, а не вниз. Они взмывали в небо, а бабки, сидящие неподалеку, в тулупах и платках, смотрели на детей и осуждали, осуждали. По их лицам это было отлично понятно – что они осуждают это нарушение гравитации. Как говорят галеристы, сообщение прекрасно читалось. В голове одной из бабуль сидела бабуля поменьше и грозила деткам кулаком.

– Теперь мне искренне интересно, что вы умудритесь вывернуть из моей скромной персоны.

– Какие слова, – возмутился Иван, – какие обвинения. Я просто так вижу!

– О, наконец-то вы это сказали, – рассмеялась она. – Великий человек придумал эту фразу, не считаете? «Я так вижу, я так слышу, я ничего не знаю, моя хата с краю».

– Моя хата – понятие весьма условное. Я живу где придется. Часто – прямо здесь.

– Это ваша жена? Ваша Аленушка? – спросила Ирина, ткнув пальцем в работу, сделанную довольно давно.

– Ага, она. Ее зовут Наташей, – кивнул Чемезов.

На картине обнаженная Наталья сидела на подоконнике и держала в руке зажженную сигарету, в то время как сама она была глубоко погружена в раздумья. О чем она думала тогда, после долгого зимнего утра? Иван мог вспомнить тот день, если постараться. Сначала они громко ругались, затем занимались яростной, такой же громкой и обвиняющей любовью. Наталья умела это – даже половым актом обвинять его во всех и вся. Кричала, что не собирается всю жизнь держать для него кисти. Кричала, что все нормальные художники уже давно поужажи в Европу, один он остался. Что лучше бы он был иллюстратором, грязи в мастерской было бы меньше.

Наталья умудрялась презирать его даже тогда, когда его работы продавали на аукционе в Нью-Йорке. Когда они покупали квартиру на проспекте Вернадского, она говорила, что не выносит запаха краски и не позволит ему и новый дом измарать. В загородном доме Ивану выделили флигель. Он помнил, как Наталья смотрела на него поверх дыма своей сигареты и всегда находила, что именно в нем не так.

Выглядишь не как нормальный человек, а как медведь из лесу. Костюм трудно надеть? Живописец фигов!

Она была груба и прямолинейна, а он, к сожалению, любил ее, и это было самое мучительное время в его жизни. Как много от них обоим потребовалось оскорблений, ударов ниже пояса, предательств, чтобы вновь наслаждаться спокойным, ровным биением сердца. Разлюбил, хвала небесам.

В тот день Наталья уселась на подоконник, голая, все еще им любимая, и закурила. А он принялся делать наброски, пока Наталья думала о своем, не обращая на мужа никакого внимания. Кажется, именно тогда она только-только решалась на то, чтобы открыть собственный бизнес. Наталья и бизнес подходили друг другу куда больше, чем он сам, Иван, подходил ей. Жаль, что пришлось потратить почти десять лет на то, чтобы выяснить это.

– Да, это моя жена. Бывшая, – кивнул Иван, сделав ударение на слове «бывшая», и с облегчением улыбнулся. Каждый раз, произнося это – «моя бывшая», – он словно заново рождался. Пытался удостовериться снова, что он действительно одинок и брошен – иными словами, свободен. Тогда, в прошлом, они почти удушили друг друга до смерти в любовных объятиях. И теперь Ивану доставляло физическое удовольствие думать о том, что десятилетний кошмар ответственности, болота и взаимных пыток, изощренности которых позавидовали бы в святой инквизиции, кончился. Он свободен, он ничей. Он в разводе. Развод – это звучало как музыка.

– Из-за чего вы расстались?

Иван склонил голову и развел руками.

– Иногда некоторые вещи просто невозможно исправить. А вы замужем? – спросил он в ответ и тут же получил обжигающе-ледяной взгляд темно-зеленых глаз. Ирина долго сверлила его и молчала, пока он не поднял вверх обе руки. Капитуляция.

– Вы не интересуете меня... в этом смысле. Никак, никогда. Понимаете? Если я вас неправильно поняла – мне лучше сразу уйти, правда.

– Простой вопрос – и сразу столько злых колючек выпустили! – возмутился Иван. – Вы сами сказали, что придете с мужем. Вот я и поинтересовался. Из чистой вежливости.

– Замужем я или нет – не имеет никакого отношения к тому, что я здесь. Это просто неважно. – Тень беспокойства пробежала по лицу Ирины.

– А что же важно? – спросил Иван уже серьезно. – Что для вас важно?

Ирина помедлила, раздумывая над тем, что ему ответить. Нужно придумать, что делать дальше. Бороться, быть сильной, верить в то, что все закончится хорошо и что черная воронка в ее сердце исчезнет или хотя бы затянется.

Люди способны на все.

Вчера в поезде метро она чувствовала такую острую жгучую ненависть, что ею можно было бы сдобрить соус чили. Важно сохранять здравый рассудок.

– Вы хотите меня нарисовать. Так? Никаких скрытых мотивов, верно? Личного характера?

– Верно, – кивнул он, чувствуя, как невольно начинает злиться. – Никакого личного мотива.

– Давайте сразу договоримся не задавать друг другу слишком много вопросов. Не станем узнавать друг друга ближе. Останемся немножко незнакомыми, как считаете?

– Да уж, заманчивая перспектива. Ирина, вы что, находитесь в розыске у Интерпола?

– А если и так? – пожала плечами Ирина. – Разве из-за этого мой портрет получится хуже?

– Главное, чтобы вы позволили писать вас в шляпе, а остальное, значит, не мое дело, да? – бросил он ворчливо. Тоже мне, тайны мадридского двора. Не очень-то и хотелось. Подумаешь! Да он о большем и мечтать не мог. Чистое творчество и ничего больше. Еще не хватало. Он тоже не желает никаких распрекрасных романов, хоть даже и с принцессами из сказки. Никогда и никак. Однажды вылезши из болота, он бы скорее повесился, чем сунулся снова в западню под названием «серьезные отношения». Да что там, любые ОТНОШЕНИЯ.

Не приведи господь!

Рыдать ему, что ли, теперь от горя? Но ее отстраненность и такая категоричность оскорбляли в нем что-то мужское, что-то природное, первородное. Хотя бы улыбаться друг другу мы можем? Ему так понравилась ее улыбка.

– Может быть, мне просто оставить вам шляпу, и все? – развила мысль Ирина.

Иван не стал отвечать ей.

– Не могли бы вы вот сюда присесть? – спросил он сухо, по-деловому и указал на прикрытое большим куском серой матовой ткани кресло. Ирина медленно подошла и опустилась в кресло, как на царский трон, ей-богу. Иван мимоходом обратил внимание, что девушка так и не сняла свои шпильки. Сроднилась, видать. А какая хорошая осанка! Так держатся балерины, которых Чемезов за тридцать пять лет нарисовал немало.

– Что-нибудь еще? – холодно переспросила Ирина, хотя и чувствовала, что перегнула палку и обидела художника.

Но ему незачем знать о том, что случилось с Ириной. Он не может ей помочь, никто не может помочь. Даже полиция не смогла, только развели руками. А это значит, что Иван Чемезов пусть идет своей дорогой, а она пойдет своей. Ей только и надо, что немного передохнуть, остановиться и перевести дух. Посидеть в мягком удобном кресле и ни о чем не думать – хотя бы пару часов. Господи, как хороши были пельмени! Кто мог подумать, что можно так проголодаться?

Надо было есть, когда предлагали! Но тогда она не могла и куска проглотить от страха, волнения и ненависти.

– Просто делайте все, что хотите. Может быть, хотите вина? – предложил Иван просто так.

– Вы же говорили, что у вас только медовуха есть? – припомнила ему Ирина. – Не волнуйтесь ни о чем, вы меня уже и накормили, и напоили, осталось только спать уложить, но так далеко наши планы не зайдут, как вы понимаете.

– Ну, если честно... – неожиданно протянул Иван, и Ирина тут же нахмурилась.

– Что? Что, если честно?

– Ох, как же это вам объяснить... Дело в том, что сегодня максимум, что мы успеем, – это сделать пару набросков, посмотреть разные ракурсы, с объектами поиграть. Это работа не на один день. Я бы хотел присмотреться к вам, узнать, что вы думаете, какого мнения вы о всякой ерунде. Ничего опасного в смысле раскрытия вас перед Интерполом.

– Это зачем же, простите? – процедила девушка. – Вы же не в газету обо мне пишете.

– Нет, в газетах обычно пишут обо мне, – рассмеялся Иван. – Но чтобы сделать что-то интересное, я должен понять вас.

– И вы уверены, что сможете понять меня за один разговор? Разве можно вообще понять человека через слова? Вы спросите мое мнение о чем-то, а я вам навру с три короба. И у вас сложится образ, и вы нарисуете что-то, так, что ли?

– А зачем это вы мне наврете с три короба? – удивился Иван. – И потом, я вас уверяю, дело даже не в вашем мнении. Скорее, в том, как звучит ваш голос. Колючки, сплошные шипы. Вот скажите, как я должен написать большой портрет за пару часов?

– Вы хотя бы начните, а то у меня уже затекает шея. – Ирина покрутилась, изогнулась и положила голову на подлокотник.

Иван побежал к мольберту, прилаживать холст. Затем передумал, притащил альбом для эскизов и уселся на табуретку. Затем опять встал, покачал головой, скинул со стола карандаши и газеты, принес с кухни два стакана – один с чаем, другой с крепким кофе, чтобы взбодриться.

– Вы можете спокойно шевелиться, менять позицию, разговаривать или отойти, если надо. Позвонить там или еще чего.

– Позвонить? – выпрямилась от неожиданности девушка.

– Я не знаю, может, мужу, чтобы он не волновался.

– Почему мужу? – Девушка выпрямилась, как кошка перед прыжком. – Опять мужу?

– Ладно, не буду! Скажите хотя бы, какое время года для вас самое любимое? – Иван спросил осторожно, но любопытство все равно проступило сквозь наносную небрежность. Ирина улыбнулась и ничего не ответила. Она сидела спокойно, ровно держа спину, только слегка опираясь на спинку кресла. Настенные часы мерно тикали, скрипел карандаш, Ирина иногда потягивалась, выставляя вперед руки, иногда поправляла волосы или шляпу, и как-то сама собой, незаметно, она успокоилась и расслабилась.

Девушка украдкой посматривала на Ивана, сосредоточенного, погруженного в себя, полностью ушедшего в работу. Его взгляд двигался синхронно с кончиком карандаша, и это было похоже на танец, на гипнотический шар, тонкую линию, движущуюся внутрь по спирали. Карандаш летал удивительно ловко в больших мужских ладонях. Ирина даже не успела заметить, как глаза ее налились тяжестью, а усталое тело уютно устроилось глубже в кресле.

Возможно, было что-то особенное в воздухе мастерской или просто усталость, но через некоторое время Иван заметил, что глаза Ирины закрыты, дыхание ее ровно, а нижняя губа чуть приоткрыта. Он долго смотрел на спящую незнакомку в своем кресле, а затем встал, тихо, чтобы не разбудить девушку, подошел к столу и взял там свой телефон, чтобы поставить на бесшумный режим. То же самое он сделал и с городским аппаратом, просто выдернул шнур из разъема. Отключить дверной звонок он не мог, но, слава богу, он никого и не ждал.

Когда все предосторожности были исполнены, Иван внимательно огляделся, удовлетворенно кивнул и вернулся обратно на свое рабочее место. Раз, два, три – он продолжал наносить карандашные линии на шершавую бумагу, поминутно сверяясь с нежной барышней из времен декаданса, крепко спящей в его кресле. Именно такую он ее и видел, именно так он и хотел рисовать. Чемезов просидел в тишине нескольких следующих часов, работая без остановки – пока не стемнело и пока руки не затекли так, что из его пальцев выпал карандаш. Тогда Иван встал, посмотрел на Ирину с сожалением, аккуратно, чтобы не разбудить девушку, подложил ей под голову подушку, укрыл простыней и, явно преодолевая собственное нежелание, вышел

из зала в соседнюю комнату, говоря себе, что все, чего он хотел от этой девушки, – это рисовать ее.

Ведь это все, чего он хотел, верно?

Глава 4

Ирина проснулась оттого, что ее волосы щекотали ей щеку, поднимаясь и опускаясь в такт легким порывам теплого ветра. Никакие сны не побеспокоили Ирину, хотя она этого и боялась. Кошмары снились ей нечасто, но даже хорошие сны заставляли ее просыпаться с лицом, мокрым от слез. Прошлого не вернешь, так говорит мама. Прошлого не вернешь. А как насчет будущего? Как справиться с этим ледяным страхом, что будущего у нее теперь тоже нет?

Ирина открыла глаза и тут же прикрыла их обратно – яркие солнечные лучи ослепили ее. Это было восхитительно – лежать в теплом солнечном свете и ни о чем не думать. Затем девушка вспомнила, где она, и тут же дернулась всем телом, села на кресле и огляделась.

Она была все там же, в просторном зале с высокими потолками. Створка большого, закругленного сверху окна была приоткрыта и заложена какой-то коробкой, чтобы окно не закрывалось и не хлопало. Ветер шевелил волосы Ирины, это он разбудил ее – легкий теплый ветерок. Окна на юго-восток действительно давали море света.

– Ох ты, черт! Уснула! – воскликнула Ирина, оглядываясь вокруг себя в растерянности. Последнее, что она помнила, – это размеренный низкий голос Ивана Чемезова, то, как мерно, красиво взлетал, кружил и опускался вниз карандаш в его руке. Сколько времени прошло? Когда он рисовал свои наброски, уже начинало темнеть. Теперь солнце всю бьет в окно. Она что, проспала всю ночь? Невозможно!

Но ее тело говорило об обратном. Напряжение нескольких бессонных ночей почти ушло, и Ирина чувствовала себя отдохнувшей, выспавшейся и полной сил. Хорошее чувство. Редкое. Значит, художник Чемезов не посчитал нужным ее разбудить? Почему? Это могло означать только одно – что он догадывается. Нет, не о том, что случилось с Ириной на самом деле, но о том, в какой непростой ситуации она оказалась.

Не хочет ли он воспользоваться этим?

Девушка осмотрелась. Под головой у нее была подушка, видимо, Иван принес ее, довольно потрепанную и явно сто лет не стиранную, с расшитым передом. Какие-то павлины. Значит, хотел, чтобы ей было удобно. Он даже накрыл ее простыней, хотя без этого уж точно можно было обойтись. Впрочем, спасибо и на этом.

Одежда не тронута, даже обувь так и осталась на ногах. Не прикоснулся и пальцем. Это хорошо. Это дает ей возможность провести в этой странной квартире еще несколько часов. Небольшой тайм-аут, чтобы подумать, что делать дальше. Немного времени, чтобы перевести дух. А что потом? Ирина понятия не имела, что ей делать дальше, да и думать желания не было. Сейчас она была хорошо отдохнувшей, и солнце сияло так ярко. Словно улыбалось. Она что-нибудь придумает потом.

Ирина встала, стряхнула крошки с помятого платья и прислушалась. Тишину нарушало мерное тиканье нескольких часов на стене, причем только теперь Ирина заметила, что каждые часы были какими-то особенными и все они показывали разное время. Некоторые отставали или спешили на несколько минут друг от друга, а пара часов показывала совсем странное время – половину шестого. Для утра – слишком яркое солнце. Для вечера – тоже, оно бы ушло за дом.

Где-то за окном проезжали легковые машины, приближаясь, а затем удаляясь с небольшим гулом. Дверь в мастерскую была прикрыта, но недостаточно плотно, и сквозь щель слышались голоса – много голосов, и смех, и какие-то хлопки. Что там происходит? Что за люди? Посидеть в мастерской, переждать, пока они уйдут? Именно так.

Ирина потянулась, выгнулась и сцепила руки так, как это делают на занятиях йогой. Ее тело благодарно отозвалось, разгоняя кровь по залежавшимся тканям. Если верить трем относительно одинаково идущим часам, Ирина проспала часов пятнадцать. Она тихонько прошлась по комнате, снова рассматривая висящие на стенах картины, стоящие у стен полотна, обрывки

газет, палитру на пустом, без холста, мольберте. На столе рядом с мольбертом лежали рисунки. Эскизы, карандашные наброски с нею, которые Иван, видимо, сделал вчера.

Ирину поразило то, с каким мастерством он уловил ее, передал и усталость, и глубокую отрешенность ее сна. Он рисовал ее и до, и после того, как она заснула. Чемезов действительно хотел ее рисовать, как бы удивительно это ни звучало. Ирина никогда не считала себя красавицей, хотя это никак не огорчало ее. Она знала, что не была некрасива, и этого было достаточно. Ира бы ни за что не стала модифицировать свою внешность только для того, чтобы более соответствовать акульным стандартам модного бизнеса.

Некоторые ее подруги увлекались такими превращениями, не желая оставаться брюнетками, перекрашивались в блондинок, превращались в настоящих экспертов по калифорнийскому мелированию, ламинированию итальянскими препаратами, выпрямлению или, наоборот, подкручиванию волос. Они отбеливали зубы несколько раз в год, загорали зимой в соляриях, а летом – на шезлонгах собственных дач. Потом они сравнивали свои результаты с теми шаблонами, что даются в глянцевого журналов, тестировали свои успехи на мужчинах.

А успехи были грандиозными. При правильном подходе, в результате длительных тренировок и профессиональной помощи, подруги выглядели так, что было невозможно отвести взгляд. И невольно появлялся вопрос: это какие же деньги-то надо иметь...

Ирина хорошо чувствовала себя в своем теле, высоком, гибком, уверенном в своих движениях. Она любила платья и шарфики, ей нравилось наряжаться и украшать себя, но девушке никогда не хотелось стать кем-то другим. И на то, сколько именно мужских особей сегодня упало в обморок от восторга при ее появлении, ей тоже было наплевать.

Мама всегда говорит, что это как попытка подсунуть фальшивку на заправочной станции. Со временем все равно все проявится, как ни выделывайся.

Итак, Ивану Чемезову понравилась именно она, усталая, не спавшая три ночи, потерявшаяся среди запутанных, черт знает как составленных улиц. То и дело хотелось крикнуть: ну кто так строит?! Понравилась ее каштановые волосы, ее руки – вот сколько раз он выписывал карандашом ее кисти, пальцы – уже без кольца с аметистом – подарок Саши. Саша, Саша... Нет, нельзя думать. Ни о чем, в особенности о нем.

Радовало одно: интерес художника, каким бы сильным он ни был, носил исключительно профессиональный характер. Это было видно по рисункам и по тому, сколько их было – Иван рисовал ее несколько часов, не меньше. Пока она дрыхла! Наконец-то ей хоть немного повезло. Этого Ивана ей словно судьба послала.

Ирина сонно огляделась и потянулась руками вверх. Ноги уже не так гудели, и в целом она чувствовала себя намного, намного лучше. Ирина бросила взгляд на «Завалинку». Хорошая работа. Добрая и полная света. Из-за двери снова стали доноситься чьи-то голоса. Ирина подцепила с пола шпильки и направилась на звуки.

– О, вы проснулись! А у нас тут мастер-класс. А у вас? Говорю стихами, что, впрочем, со мной часто случается. – Иван улыбался своей широкой, открытой улыбкой, разглядывая Ирину, возникшую в дверях его кухни. Вокруг него, за огромным круглым столом, теснились студенты.

Разномастная группа и по возрастам, и по манере держаться. Кто-то держался уверенно, как у себя дома, – явно был тут не впервые. Другие нервничали, покусывали карандаши. Женщин больше, чем мужчин. Места явно не хватало, кухня не была предназначена для таких больших мастер-классов. Ирина тут же почувствовала себя неловко: терракотовое платье помятое, несвежее, зубы нечищенные. Ужас! А тут незнакомые люди. Меньше всего она хотела причинять кому-либо какие-либо неудобства.

– Почему вы меня не разбудили? – возмутилась она. – Вам же неудобно тут работать. Вам нужна студия!

– Отчего же, нам вполне удобно, да, отроки? – Иван обратился к «отрокам», младшему из которых было, наверное, лет двадцать, не меньше. А старший, пожалуй, был даже старше Ивана. Ирина невольно улыбнулась, когда «дети» все наперебой закивали и принялись уверять Ирину, что чувство локтя даже добавляет интенсивности и чувства в их работу.

– Врете, как Троцкий, – фыркнула Ирина.

– Ничего подобного, если бы видели себя вчера, вы бы меня поняли! – заявил Иван и сложил руки на груди.

Ирина нахмурилась:

– Что вы имеете в виду? Что это со мной не так?

– Да вы просто ужасно выглядели! – продолжал этот белобрысый нахал. – Вам просто необходимо было проспаться.

– Проспаться? – фыркнула Ирина и тоже сложила руки на груди. – На себя-то смотрели?

– Да-да, проспаться.

– Это звучит так, словно я весь вечер пила вашу медовуху, а ведь вы мне ее и попробовать не дали. Я выгляжу ужасно!

– Выглядели! Как будто на десять лет старше. А морщины! Просто ужасные. Любому стало бы понятно, что, если вы не выспитесь, это приведет к...

– На десять лет старше, чем кто? – гаркнула Ира, возмущению которой не было предела. – Вы же понятия не имеете, сколько мне лет!

– Старше, чем сейчас, – невинно заметил Иван, улыбаясь. Ох уж эта улыбка... – Вот сейчас вы прекрасны как майская роза. Не так ли, дети?

Его великовозрастные «дети» вразнобой забубнили что-то неразборчивое, снова заставив Иру покраснеть. Она ненавидела быть в центре внимания. Всегда старалась держаться больше в тени. А тут буквально возмущению нет предела. Бессовестный он, этот Чемезов.

– Идите-ка вы все в мастерскую, пока я не швырнула в вас чем-то тяжелым! – проворчала Ирина. – И никаких больше разговоров о том, как я выгляжу.

– Ох ты, как сурово! – усмехнулся Иван. – Все слышали, что приказала принцесса? Исполнять, и побыстрее. Разговорчики в строю!

– А я могу всем сделать чаю, если вы мне напомните, где у вас тут что, – бросила Ира, смеясь тому, с какой поспешностью студенты понеслись в просторное солнечное помещение, которое она так бессовестно заняла. Иван задержался, внимательно рассматривая лицо Ирины.

– Не надо чаю, Ирина. Seriously, как вы выспались? – спросил он наконец. – Я сам вот никогда не сплю в чужих местах, ворочаюсь постоянно... Я хотел вам предложить перелечь на кровать, но решил не будить. Вы, кажется, очень сильно устали. Просто на этом кресле спать невозможно, там у меня постоянно выворачивается шея. Впрочем, мне на нем просто тесно.

– Станным образом, я отлично выспалась, – мягко перебила его Ирина. Кажется, он чувствовал себя не в своей тарелке и поэтому заполнял неудобство любыми словами, подвораживающимися под руку. Только теперь она задумалась о том, где же спал сам Иван. Он сменил рубаху на куда более соответствующую погоде футболку и шорты и выглядел теперь значительно моложе, не старше тридцати. А светлые волосы были все так же растрепаны. Он что, вообще не причесывается? Хотя весь его облик смотрелся вполне гармонично. Даже пятна от краски на руках. Лицо у него доброе, открытое. Редкость.

– Давайте-ка я выдам вам что-нибудь из моих закромов, – с деловым видом кивнул Иван. – У меня тут всегда есть некоторое количество зубных щеток. Может быть, вы примете душ и присоединитесь к моей команде?

– Душ? – вытаращилась Ирина, моментально покраснев и насторожившись. Хотя сама идея попасть под теплые струи воды, смыть с себя дорожную пыль была гипнотизирующе прекрасной. – Нет-нет, не надо.

– Интересно, почему же это?

– Не знаю. Это уже за гранью.

– Чего? Приличий? – Чемезов фыркнул так, словно приличия были чем-то, по его мнению, совершенно неприличным. – Впрочем, как хотите. В ванной есть все нужное, вы могли бы сменить ваше прекрасное одеяние и...

– Сменить одеяние? – еще больше оторопела Ирина. Может быть, она все же ошиблась относительно «профессиональных» намерений этого симпатичного товарища с открытой улыбкой? В конце концов, она же ничего не знает о нем, а он о ней.

– Я не думаю, что вы хотите запачкать ваше прекрасное терракотовое платье. Да и в туфлях на шпильках нельзя ходить вечно.

– Запачкать? – как попугай, повторила Ира, прикидывая, успеет ли она добежать до двери, прежде чем этот маньяк ее остановит. Иван же в это время с недоумением смотрел на Ирину.

– Ну да, запачкать краской. У нас же мастер-класс. Вы когда-нибудь работали маслом? Заляпаете – потом не отстираете. Ну, и растворитель тоже.

– Вы всерьез хотите, чтобы я рисовала? – дошло наконец до Иры.

– Господи, ну не полы же мыть! – всплеснул руками художник. – Я же вам еще вчера предлагал, помните?

– Действительно, – протянула Ирина, смутно припоминая вчерашний разговор. Вчера она была совсем не в себе, и все, что происходило, казалось ей каким-то кошмарным сном наяву. Теперь, после пятнадцати часов беззаботного сна, все вчерашнее казалось далеким прошлым. Такое иногда бывает, сознание пытается отодвинуть подальше какие-то отдельные моменты жизни, словно скрыть их, забросать ворохом других ощущений и воспоминаний. – Но я не умею рисовать. Я помню, что тоже это говорила.

– Да, говорили, – усмехнулся Иван. – Идите в ванну, и без разговоров. Никто из нас не умеет рисовать, но, поверьте, это не имеет никакого значения. Помалюем просто так.

Конечно, Иван покривил против истины, заявляя такое. Мастер-классы, которые он проводил в мастерской по договору с художественной академией, пользовались огромной популярностью, и все, кто приходил на них, так или иначе умели рисовать. Но и Ирина тоже немного слукавила, говоря, что совсем не рисует. В детстве, как и все дети, наверное, она очень любила рисовать, но это было давно, Ира даже забыла, когда в последний раз рисовала что-то, если, конечно, не считать узоры на краях салфеток, которые она выводила, скучая в ожидании кого-нибудь. Саши, например. Пунктуальность никогда не была его сильной чертой, но Ирина старалась не обижаться. Разве можно таить обиду на тех, кого любишь?

Ирина зашла в ванную комнату, огляделась и не смогла сдержать улыбки. Да уж, доказательства были прямо перед ее глазами. Конечно, у художника имелся план «А» в отношении девушки в терракотовом, и как он ни старался, скрыть этого не мог. Новенькая, только что распечатанная зубная щетка стояла в граненом стаканчике около раковины, на стульчике около душевой кабины лежало аккуратно свернутое полотенце, рядом стояли шампунь, гель для душа и даже бальзам для волос. На стиральной машине стояли пачка стирального порошка, открытая, конечно, а рядом стопкой лежали футболки, юбки неизвестного происхождения, вполне заношенные, но чистые, а также шорты и пара узеньких клетчатых штанов, больше похожих на пижаму.

Итак, он все продумал. Явно хочет, чтобы Ирине было комфортно и чтобы она смогла освежиться, почистить зубы, избавившись от ужасного привкуса горечи и несвежести, а также сменила одежду на чистую. Иван так хочет, чтобы она осталась и позировала? И только? Не слишком ли много?

Впрочем, девушка решила не искушать судьбу и принять ее щедрые дары. Она проверила замок на двери, включила воду и несколько секунд держала ладони под холодными струями

в ожидании того, чтобы они потеплели. Но этого так и не произошло. Ира услышала робкий стук в дверь.

– Что? – крикнула она.

– Вода! – ответил ей из-за двери чemezовский бас. – Я дико извиняюсь, вообще про это забыл. Ее сотрудники из ЖЭКа отключили. Может быть, нагреть чайник?

– Нет, не надо, спасибо! – прокричала Ира в ответ и вздохнула. Никогда не бывает так, чтобы чудеса сыпались на тебя без ограничений. Видимо, есть все же лимит и на милость небес. Она еще раз с сожалением поднесла руки к воде, а затем переключила поток с крана на лейку душа. Затем она скинула с себя ставшее уже омерзительно грязным terracottовое платье, туда же последовало и белье. Даже холодный душ был лучше, чем ничего, и Ира старательно убеждала себя в этом, прыгая под холодной водой, задерживая дыхание и проявляя недюжинное мужество, чтобы не завизжать.

Водные процедуры и закаливание никогда не были ее темой. Как и многие от природы худые люди, Ира все время мерзла. Ей бы и в голову не пришло добровольно поливаться ледяной водой. Но разве московским коммунальным службам это объяснишь? Зато после, растираясь чистым полотенцем, с зубной щеткой во рту, наблюдая за собой в зеркале, Ира с удовольствием отметила исключительно здоровый румянец.

Иван все продумал, вот чертяка. Ира с наслаждением натянула на себя чистую футболку, затем посмотрела на кучку грязного белья и пожала плечами. Натянув шорты на голое тело, она забросила все свои вещи в стиральную машину, засыпала порошком и нажала кнопку. Деликатная программа – то, что надо.

Неплохое начало дня.

Когда она вышла из ванной, в кухне уже никого не было, но это не значило, что Иван Чemezов и здесь не проявил себя радушным хозяином. Там, где до этого сидели студенты всех возрастов и мастей, теперь стояла и манила к себе тарелка с идеально круглой яичницей-глазуньей. Ира подошла ближе и расхохоталась в голос. Яичница смотрела на нее в упор огромными желтками глаз, обрамленных длинными красными ресницами из кетчупа. Изящный нос из зелени, шевелюра из листьев салата и хитрая ухмылка из жареной колбаски, с парой зубов из поджаренного жирка... Ире, конечно, случалось видеть яичницу, которой пририсовывали улыбку или просто делали страшную рожицу. Но эта яичница заслуживала того, чтобы ее положили под рамку и оставили несъеденной. Целое произведение искусства. Рядом лежали поджаренные кусочки черного хлеба, связка зеленого лука, вилка и нож. Все продумал. Разве что... Где же в таком случае свежавыжатый апельсиновый сок? Да уж, невозможный вы товарищ, многоуважаемый Иван Чemezов.

Ирина села за стол, склонила голову набок, рассматривая ухмыляющегося желтоглазого яичного Нафаню.

– Ну и как прикажешь тебя есть? – спросила она, нерешительно беря вилку и ножик в руки. Нафаня ожидаемо молчал, покорно принимая свою судьбу. Ирина улыбнулась и подцепила вилкой часть шевелюры. В конце концов, голод не тетка. Вчера Ира была настолько измотанной и усталой, что ей с трудом и кусок в горло полез, несмотря на голод. Сегодня, напротив, ее аппетит пришел в норму, и стоило ей попробовать кусочек, как судьба Нафани была предрешена – она покончила с ним за считанные минуты, наряду с гренками и яблоком, которое нашла тут же, на столе в миске. Откусив его, Ира довольно улыбнулась и направилась в сторону мастерской. Там, в солнечном зале, вершилась магия, и все студенты с сосредоточенными и вдохновленными лицами возили кистями по полотнам под тихую музыку. Что-то из джаза, в котором Ира не слишком-то разбиралась. Иван что-то рассказывал о технике создания иллюзии с помощью мазков, когда заметил босую Ирину в дверях мастерской.

– Спасибо за завтрак, – сказала она и облизнулась.

– Вы наелись? – уточнил Иван, продолжая рисовать. – У нас тут скатерть-самобранка со скромными возможностями, и яств не много.

– Вы это серьезно? Нафаня на завтрак? Что может быть лучше? Единственное, меня все время преследовало чувство, что я – людоед.

– Нафаня? – улыбнулся Иван. – Интересная ассоциация. Надо было нарисовать что-нибудь более съедобное. Что-нибудь вегетарианское. Рыбу, к примеру?

– А что, если не побояться и в следующий раз нарисовать яичницу-глазунью? Слабо? – усмехнулась Ирина.

– Оригинально, нестандартно, но не по мне, – не согласился Иван. – Я не ищу легких путей. Ладно, Ирина, берите чашку на подоконнике, кофе в кофейнике там же. Вы пьете кофе черным или с молоком? Боюсь, молока нет.

– Без молока отлично, – заверила его Ира, буквально сдержав стон наслаждения, когда в ее руках оказалась теплая чашка с «американо». Яичница, кофе, душ. Через час ее платье будет чистым. Что еще нужно для счастья человеку в ее ситуации?

– Наденьте тапки и занимайте мольберт у стены, – скомандовал Иван.

– Вы уверены? – нахмурилась Ира.

– Господи, ну что мне, заклинание прочитать, чтобы вы делали то, что я прошу? – раздосадованно воскликнул он. – Берите кисти и рисуйте все, что придет вам в голову.

– С удовольствием, – улыбнулась девушка и подошла к чистому полотну, расположенному вертикально. Рядом лежала готовая к работе палитра. Ира никогда в жизни не рисовала маслом. Не писала... А, черт, какая разница! Она взяла кисть в руку, осторожно бросила взгляд на других. Затем она макнула кончик кисти в густую, пастообразную краску. Синий, пусть будет синий. Она сделала глоток кофе и поставила чашку на столик у стены. Затем решительно провела кистью по холсту.

Прекрасное утро.

Глава 5

Только ближе к вечеру все более-менее разошлись, хотя, по словам самого Чемезова, дай волю этим архаровцам, они тут навсегда поселятся. И тогда наступит апокалипсис в отдельно взятой квартире. Почти все, что говорил Чемезов, неминуемо порождало улыбку на губах Ирины, с этой его манерой вставлять смешные слова куда ни попадя. Студенты, кажется, обожали его, хотя в обсуждении работ Чемезов был безжалостен и прямолинеен. Даже больше, чем это казалось необходимым. Он мог быть насмешливо жесток.

– Что же это ты, отрок, фотокопиями-то у меня в мастерской занимаешься. Офис продаж у меня за углом есть, там и копируй сколько влезет! – бросил он бородатому «отроку», который покраснел так, что даже борода не помогла этого скрыть.

– Я просто хотел отточить технику, – бормотал растерянный бородач.

– Точите карандаши лучше, а то у меня вон точилки не хватает после вас, – фыркал Иван. – Знаете, проблема в том, что я буквально слышу ваши мысли. Как вы стоите около полотен и думаете почти что хором, правильно ли вы делаете и то ли вы делаете, что надо, или вас унесло куда-то. И чтобы я вас похвалил. Что вы все хотите, чтобы вас хвалили. А нет чтобы наплевать на все и меня первого послать к барабашкам?!

– Я готова послать вас к барабашкам! – вмешалась Ирина, смеясь. Ее рисунок – синее небо, размазанная земля, косой дом. Черт его знает, откуда взялись эти образы. Не иначе как «Завалинкой» навеяло, к которой Ирину так и тянуло. Уж больно хорошая была работа. А у Ирины идея была такая: нарисовать домик, в котором она отдыхала пару лет назад. Дело было в Финляндии, и деревянный сруб на берегу озера смотрелся как сказочная избушка Бабы-яги, а в ясные дни домик, деревья вокруг и даже маленький холм, на котором цвели неизвестные Ире желтенькие цветы, – все это отражалось в стеклянной глади воды, словно дублируя реальность. Именно это она и пыталась нарисовать, замысел масштабный, а рисунок был ожидаемо никаким, спасало положение только то, что Ира самым серьезным образом смазала и затерла все, что смогла, придавая ломаным линиям и косым, неудавшимся чертам оттенок «иллюзорности». Но, если уж признаваться честно, рисунок получился – сине-коричнево-желтое пятно с грязными краями. Ну и что! Зато удовольствие Ирина получила огромное. И теперь от всего сердца сочувствовала бородачу, который почти семь часов пытался, чтобы заработать оплеуху от «мастера». Пфф!

– Вот и правильно! Правильно! – кивнул Иван без тени обиды.

– Идите вы к барабашкам! – выкрикнула Ирина с удовольствием, и весь класс расхохотался, включая и самого взлохмаченного гуру. Ирина только покачала головой и пошла на кухню, налить ему чаю. В кухне курили, Чемезов почему-то разрешал это, но когда одновременно курило больше трех человек, никакой вентиляции и в страшном сне не снилось справиться с нагрузкой. Ира остановилась на пороге, затем развернулась и решила пока что пойти в ванную комнату, посмотреть, как там сушится ее платье. Долгие разговоры об искусстве начали утомлять ее. Так много людей вокруг, и каждый из них мечтает об одном и том же. Слава, деньги, успех. Если не деньги, то хотя бы слава, небольшое место в истории. Сказать новое слово. Несколько строчек в разделе «культура» «Российской газеты».

Впрочем, Ира одернула саму себя и посмотрела с неодобрением на свое отражение в зеркале: нельзя быть такой злой и предвзятой. Люди всегда остаются людьми, и стремление к успеху так же свойственно им, как и необходимость дышать. Успех и есть самый раскрученный обман на свете, сказка про белого бычка, под мерные убаюкивающие звуки которой люди теряют время, силы, здоровье и радость жизни. Поиски выхода из мышеловки, которую построили сами для себя.

Живи здесь и сейчас, другого шанса все равно не будет.

Люди способны на что угодно, но есть вещи, которые им не под силу, как ни старайся. Можно научиться рисовать, но нельзя угадать, куда повернется капризная и непредсказуемая толпа – публика.

По каким-то причинам Ирина чувствовала, что Иван Чемезов тоже это понимает и не пытается оседлать успех. Именно поэтому фортуна ласкает его своими шершавыми ладонями, перемазанными типографской краской, налипшей при пересчете новеньких купюр.

Он любит природу. Любит небо. И любит людей. Все это есть в его работах. Но научить этому кого-то другого невозможно.

– Ира... Ирина... Ира, вы там? Ирина, ау! – Голос звучал настойчиво, но девушка и бровью не повела, погруженная в свои мысли. Она стащила терракотовое платье с сушилки и разглаживала его ладонями, когда дверь в ванную комнату распахнулась и Иван образовался на пороге с самым возмущенным видом.

– Вы что же не отвечаете? Чего баловать, да? Сами найдут? – спросил он, критически осматривая Иру. Шальная мысль тут же угнездилась в его сознании – не Ирина она, как пить дать не Ирина. Соврала.

– Простите, я... я не слышала, – ответила она, хлопая глазами.

– Ну извиняйте, орать громче я не могу. Соседи полицию вызовут. Идемте, Ира, я хочу вас кое с кем познакомить.

– Познакомить? – удивилась девушка, даже больше не тому факту, что Чемезов пытается ее с кем-то там познакомить, а тому, с какой привычной легкостью он обращается с нею. Словно они сто лет знакомы. Парадоксальным образом ее природа не протестовала. В каком-то смысле она и сама это чувствовала. С ним было легко. Хотя он и не был прост, только казался.

– Да, да. Бросьте вы платье. Вам отлично идут эти шорты. У вас с моей бывшей женой один размер, кто бы мог подумать?

– Она хранит у вас свою одежду? – удивилась Ира.

– Моя бывшая-то? – хмыкнул Иван. – Да не говорите, ее труднее свести, чем татуировку. Она везде прорастает, как сорняк.

– Вы так говорите, словно ненавидите ее, – выговорила ему Ира. – Это нехорошо.

– Я-то? Нет, что вы. Я не ненавижу ее, я боюсь ее, – признался Иван, попутно беря Иру за руку. Он потянул ее опять на эту прокуренную кухню. – У нее есть какое-то особенное заклинание, при помощи которого она может превратить меня в жабу. Жди потом, пока тебя кто-нибудь поцелует. Я уж даже не прошу о принцессе. Если вы когда-нибудь захотите на кого-нибудь навести порчу, милости просим к моей бывшей.

– Она что – ведьма? – ахнула Ира.

– Определенно, – подтвердил Иван. – Иначе не объяснишь. Только ей для этого никакие зелья не нужны. Ей достаточно выдохнуть на вас дым от сигареты. Кстати, о сигаретах. Ничего, что мы тут курим?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.